

Вячеслав Кумин

Наемник

«Автор»

2006

Кумин В.

Наемник / В. Кумин — «Автор», 2006

ISBN 5-289-02329-1

Его оклеветали и преследуют – и мафия, и полиция. Единственное спасение – стать звездным наемником. Но его будут искать и на других планетах. Выход – стать лучшим из лучших и вернуться домой, чтобы устроить свою вендетту, свою маленькую войну. И горе тем, кто станет на пути Наемника.

ISBN 5-289-02329-1

© Кумин В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	13
5	15
6	18
7	20
8	22
9	24
10	26
11	28
12	30
13	32
14	34
15	36
16	38
17	40
18	42
19	44
20	46
21	48
22	51
23	55
24	58
25	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вячеслав Кумин

Наемник

Войска Торговой Федерации в спешном порядке покидали поле боя. В небе кружили вертолеты «Блэкшарк», прикрывая с воздуха солдат, которые на бегу скидывали с себя бронжилеты и оружие, уменьшая тем самым свою массу. Все делалось для того, чтобы в транспортный шаттл влезло как можно больше бойцов Федерации.

Вдалеке у горизонта уже вовсю шла воздушная схватка. Федеральные истребители «Лихтнинг» преграждали путь своим противникам «Бейстам», чтобы те не могли сбить тяжело взлетающие транспорты «Элепхант», в каждом из которых находилось до полутысячи притиснутых друг к другу солдат или же более дорогое, с точки зрения командования, военное имущество – вроде танков, атмосферных самолетов и прочей боевой техники.

Времени катастрофически не хватало, и планета была окончательно потеряна. На орбите из последних сил вели бой тяжелые крейсера, обеспечивая достаточно большое окно для эвакуации наземных войск. К противнику подходило подкрепление в виде ударной космической группировки из пяти линкоров и трех крейсеров. Нужно было уходить, чтобы не остаться здесь навсегда.

Но вот последний «Элепхант» прилепился к своему транспортному кораблю, и вся группировка с боями стала уходить прочь из потерянной системы. Там, на планете, еще остались войсковые части и отдельные группы солдат. Если они не погибнут сразу в запале схватки, то их обменяют один к одному на пленных солдат противника.

1

Планета Альпамир была одним из последних, среди сотен, новоколонизированным миром. Вокруг нее был поднят настоящий бум, сюда стекались люди в поисках лучшей доли и в большинстве своем находили ее. На Альпамире шел бурный рост городов и соответственно населения. Буквально за двадцать лет выросли огромные мегаполисы. Но принимались и меры, ограничивающие рост, как по высоте, так и по площади, для более равномерного заселения планет и стимулирования новой экспансии.

По одному из таких городов, а точнее по его пригороду с маленькими двух- и трехэтажными зданиями, строившимися без каких-либо ограничений, ехал старенький автомобиль, в котором сидели четверо приятелей, друживших еще со школьной скамьи.

Автомобиль был действительно старинным, выпущенным где-то сто двадцать лет назад и давным-давно снятым с производства, а потому очень редким, особенно в новых колониях, что в принципе исключало вероятность его угона. По крайней мере, на Альпамире их было не больше тридцати штук при населении полтора миллиарда человек.

– Макс, ну продай ты мне этот мастодонт! – уже в который раз просил Уолш Росс, отец которого был преуспевающим бизнесменом, одним из совладельцев строительной компании. – Я отвалю тебе кучу бабок, на которые ты сможешь купить целый пентхауз в самой элитной части города, да еще со скидкой от фирмы, и не ютиться в своем домишке на окраине города. Ну так как?!

– Да не продаст он тебе его, – ответил за Макса Фил, – этот, как ты выразился, мастодонт дорожает год от года, и лет через двадцать на него можно будет купить небольшой звездолет!

– Макс, ну на кой тебе звездолет?! Да еще через двадцать лет! Живи, как человек, сейчас, – продолжал искушать Брюстера Уолш. – Но если хочешь, то я могу посодействовать в приобретении небольшой космической яхты...

– Да отстань ты от него! – вступился Вольф за сидящего за баранкой Макса, который широко улыбался и еще не проронил ни слова. – После того как ты его купишь, поставишь его в бронированный гараж, и мы больше не сможем покататься на этом чудесном образчике старины по имени «Питергольф». Так что не приставай к нему.

Максимилиан Брюстер, или просто Макс, был единственным из четверки, у кого не было богатых родителей, и до всего ему приходилось доходить самому. Единственным его преимуществом был этот старый парогазовый «Питергольф», стоящий бешеных денег и доставшийся от отца, а тому в свою очередь от его отца и так далее. Так что автомобиль был своего рода семейной реликвией, переходившей к младшему из сыновей.

Машина вышла из поворота, и ее на большой скорости обогнал здоровенный джип на водородном энергоносителе, экологически чистом в отличие от топлива, потребляемого поршневым парогазовым движком, которое и находить-то стало трудно.

– Купи такую машину, – предложил Макс своему приятелю. – Вон, какая крутая тачка.

– Да у меня и покруче есть, но мне твоя нужна!

– Не продам, ты же знаешь... – оказал Макс и включил радио, показывая, что больше он не намерен слушать просьбы о продаже.

Машина являлась ценностью потому, что в ней было все «родное»: как выпустил завод-изготовитель, так все и осталось, в том числе и радио, из которого сейчас доносились новости:

«На бирже стоит настоящая паника! – вещал диктор, – поговаривают о повторении так называемой „черной пятницы“. Падение индексов достигает десяти и более пунктов по добывающим и перерабатывающим предприятиям, и все из-за потери своих позиций Торговой Федерацией в районе Синего квазара. Стоимость акций самой Федерации снизилась на двадцать пять процентов. А теперь более подробная информация об упавших индексах...»

– Макс, выруби этого урода, не могу больше! – попросил с заднего сиденья Фил, отец которого был брокером на бирже. Филу же предстояло пойти по его стопам. – Дома и в колледже все эти индексы, проценты и прочая мура, да еще и здесь это слушать! Не могу, достало!

Брюстера не пришлось долго упрашивать, к тому же ему были по барабану все эти индексы и их падение, и он переключился на другую волну. «Главное, чтоб бамбук не падал! – подумал Макс, непроизвольно посмотрев вниз. – Он мне сегодня пригодится».

Машина въехала на мост, соединяющий Франбрэд с его пригородом, отделенным от основного массива широкой пропастью восьмидесятиметровой глубины, на дне которой текла глубокая река, берущая свое начало высоко в горах и образованная множеством бурных ручьев. Мост через реку пользовался недоброй славой.

В глаза бросились разительные отличия, и без того яркие улицы стали еще наряднее. Город готовился к грандиозному и самому популярному празднику – Годовщине Переселения Марка. Сегодня будут отмечать юбилей – пятьсот лет. На столичной планете пройдут военные парады, которые будут транслироваться в прямом эфире на всю Новоземную Федерацию.

«А теперь немного о погоде», – прозвучал голос девушки.

– Давай, давай, что там с погодой?! – весело прокричали пассажиры почти хором.

«Сегодня ночью будет двадцать градусов тепла, без осадков. Ветер юго-западный, слабый».

– Отличная погодка! – воскликнул Фил.

– То, что нужно! – согласились остальные.

«А теперь предлагаем вашему вниманию музыкальную композицию».

Сначала зазвучал какой-то дикий смех, а потом послышались полуэротические придыхания.

– Это что, порнуха, что ли? – не понял Макс.

– Ты что никогда не слышал эту песню? – удивился Уолш.

– Нет.

– Это пропаганда наемничества, – вставил по большей части молчаливый Вольф. – Послушай, тебе будет интересно.

Макс ничего не ответил, внутренне скривившись. Как-то он по-пьяному делу ляпнул, что мечтал быть наемником, впрочем, он и сейчас иногда об этом думал, но потом всячески отнекивался от сказанного. Что ни говори, а война всегда притягивала его. «В конце концов, это на генном уровне заложено, – подумал Макс, – мальчики любят играть в войну».

Вздохи закончились, и зазвучала сама песня:

Верь новой мечте
Под небом огромной страны,
Каждый несет в себе свет
Звездной войны.
Цепи возвышенных слов,
Как вестники новой беды,
Остерегают тебя от этой войны.

Звезды – манят и ранят.
Звезды – сияньем своим закрывают
Усмешку жестокой судьбы
Мы – армия звездной войны.

– Ну почему же пропаганда, – не согласился Макс. – По-моему, как раз наоборот – отговаривают всяческих идиотов от войны...

– Все дело в психологии человека, – стал разъяснять Вольф. – Нам как бы говорят: война это плохо, но, как известно, запретный плод сладок и оттого более желанен. Открытая пропаганда запрещена и даже призывные плакаты могут висеть только непосредственно на вербовочном пункте. Послушай дальше, сейчас второй куплет будет, все поймешь.

Но Макс, наоборот, убавил звук до грани слышимости и спросил:

– Вы ничего не слышали?

– Нет, а что? – за всех спросил Уолш.

– Крик, я слышал чей-то крик, – пояснил Макс, совсем выключив радио. – Надо бы посмотреть, в чем дело.

– Тебе показалось, – сказал Фил. – Народ веселится, потому орет.

– Нет, – уперся Макс, – крик был другой.

– Какой? – насмешливо спросил Уолш.

«Ааа!!!» – раздался душераздирающий крик. Теперь он был гораздо ближе.

– Вот такой, – ответил Макс и резко остановил машину, так, что завизжали тормоза.

– Потихе, Макс, а то ты нас всех угробишь, – проворчал Фил. Ему все это сильно не нравилось. Он, как и Вольф, старался не ввязываться в неприятности.

2

Машина остановилась возле поворота в тупик, о чем предупреждал висящий рядом знак. До цели путешествия приятелей – ночного клуба «Гоблин» – оставался какой-то квартал. Еще несколько переулков и все, они на месте.

– Так, Вольф, остаешься в машине и вызываешь полицию, – взял ситуацию в свои руки Макс на правах первого, услышавшего крик. – А мы все пойдем и посмотрим, что случилось.

– Может, не надо, а? – попытался тот отговорить своих друзей от авантюрной затеи.

Вольф Слэйтер был худощав, слабее остальных физически, что наложило на него свой отпечаток – молчаливость и нежелание ввязываться во все подозрительное, не говоря уже об откровенно опасном. Родители Вольфа были преподавателями в каком-то университете, и, наверное, это как-то отразилось на его физическом состоянии. Друзья таскали его с собой, потому что, когда Вольф был в своей знакомой среде, то становился нормальным человеком – веселым шутником.

– Надо, Вольф, надо, – ответил Уолш. – Иногда надо делать вещи, которые в принципе делать не стоит. Ты меня понимаешь?

– Если честно, то нет. Но тут небезопасно, – напомнил Вольф, – машину могут раздолбать, причем вместе со мной.

– Отгони ее к «Гоблину», – ответил Макс. – Мы пешком придем, когда разберемся, что к чему, тут всего-то пара кварталов. Все давай, – махнул рукой Макс, догоняя своих друзей, уже скрывшихся за поворотом.

– Это я с радостью.

– Только не увлекайся...

Тупик оказался довольно грязным местом, с баками из-под мусора, который вываливался, скрывая сами бачки. Создавалось впечатление, что мусорная машина не заглядывала сюда уже месяц.

В углу за одной из таких куч было непонятное шевеление. Вдруг бак отлетел, и все увидели, что трое парней пытаются совладать с девушкой, которая отчаянно отбивалась, но кричать уже не могла, силы ее были на исходе.

Один держал ее голову и руки, второй старался удерживать ноги, которые все время вырывались, и ему приходилось их снова ловить. Третий пытался справиться с замком штанов, но и это было сделать не так-то легко, девушка извивалась змеей. Последнему это надоело, и он резким движением ударил ее в бок кулаком, после чего она окончательно обмякла.

– Ну, наконец-то! – громко сказал один из них, когда другому удалось сорвать с нее брюки. – А то возимся с ней уже черт-те сколько!

– Начинай, давай!

Возившийся с замком не в пример быстрее расстегнул свои штаны.

«Пора, – подумал Макс, – мы сюда не для наблюдения пришли».

– Не подскажите который час? – громко спросил Макс Брюстер, поскольку знал, что самый idiotский вопрос в подобных ситуациях сбивает с толку сильнее всего.

– Чего?

Компания замерла на своих местах.

– Который час, спрашиваю!

Все трое медленно поднялись с земли, оставив бессознательную жертву в покое. До них уже дошло, что намеченное развлечение сорвалось и продолжить его сегодня вряд ли удастся. Так же медленно они достали ножи-бабочки.

«Хорошо хоть стволов нет, – успел подумать Макс. – А то схлопотали бы по самое не могу!»

– Вот вы и нашли неприятности на свою задницу, – сказал самый высокий из троих, по всей вероятности, главная секс-сила.

– Не могу не согласиться, – ответил Уолш, быстро осматривая близлежащее пространство. Осмотрев, он уже шепотом добавил: – Макс, Фил, там справа от вас, поднимите...

Макс бросил взгляд, куда сказал Уолш, и увидел там разбросанные стальные трубы. С Филом они бросились туда и, схватив тяжелую сталь, почувствовали себя гораздо увереннее. Фил даже показательно небрежно передал две трубы Уолшу.

– Отличные жестянки, – одобрил Росс, крутанув их в руках так, что трубы описали дугу. – Трое на трое, это вполне приемлемо.

Макс таким мастерством похвастаться не мог. Он вообще опасался за свое сердце, которое так быстро билось, что, казалось, сейчас выскочит из груди. Даже в ушах зазвенело. Немного успокоившись, он шагнул вперед, навстречу остановившимся противникам.

Отступить тем было некуда, кроме как пробиваться через эту троицу с обрезками труб. Главарь в довесок к своему ножу поднял такую же одиноко лежащую трубу, поскольку известная истина, что против лома нет приема, даже с ножом, работала и здесь. Один из членов банды вернулся назад и приставил нож к горлу своей жертвы.

– Не стоит, – сказал Уолш, – если ты ее сейчас поранишь, вы отсюда точно не выйдете.

– Что ты предлагаешь? – спросил высокий.

– Бросаем оружие и тихо-мирно расходимся, без геройских драк и потасовок.

– Ладно, – сказал главарь, демонстративно складывая свой нож и засовывая его в карман. – Идет, мы уходим. Лейл, пошли.

«Что-то долго полиции нет, – подумал Макс. – Может быть, Вольф забыл? Но нет, не должен, в тупости его никак не обвинишь».

После того как бандиты ушли, зло сверкнув глазами, Макс подбежал к их жертве, чтобы проверить – все ли в порядке, и когда нагнулся над ее лицом, отметив привлекательность и даже красоту, то получил мощный удар по щеке. Брюстер инстинктивно отдернулся назад, и второй удар заточенных ногтей прошелся мимо. Девушка очнулась и приняла своих спасителей за нападавших.

– Не троньте, отстаньте от меня!

– Тихо! Не дергайся, мы ничего тебе не сделаем, – стал уверять ее Макс, но безуспешно. Она ничего не хотела слышать, а в ее глазах стоял неподдельный ужас, в таком состоянии человек почти не соображает и ничего не осознает.

Вдалеке, чуть слышно, зазвучал вой полицейских сирен. Служители порядка довольно сильно запаздывали.

– Пойдем, Макс, нам тут больше нечего делать, – позвал Фил.

– Нужно рассказать, что здесь произошло, – ответил Брюстер, стирая кровь со щеки.

«Сейчас я выгляжу как самый настоящий насильник, – попытался со стороны представить себя Макс. – Три глубокие царапины от ногтей. Да уж...»

– Тебе это надо? – поддержал Фила Росс. – Давать показания в полицейском участке, писать объяснительные, это ж сколько часов мы там просидим?! Пошли, веселье, наверное, уже в самом разгаре...

– Ладно, пойдем, – согласился Макс, вставая и размышляя о том, как она вообще здесь оказалась. – А то Вольф, наверное, совсем издергался.

– Вот именно.

Приятеля оставили жертву неудачного нападения и практически бегом покинули тупик, поскольку полицейские сирены звучали уже совсем близко. Объясняться с ними никому не хотелось, даже если бы после этого случая они и получили бы благодарственные грамоты от полицейского департамента за активную гражданскую позицию.

3

– Ну вот, даже не помахались, – разочарованно сказал Уолш, любитель подражаться. Задира и бабник в одном лице.

– Будут тебе еще драки, сам не рад будешь, – ответил Вольф, встречая своих приятелей у входа в ночной клуб.

Вся группа вошла в помещение, их ноги до колена окутал густой белый туман. Народ в центре площадки, в основном молодой и отвязный, уже вовсю отплясывал модный ритм. Всем весельем заправляли два диджея, сидящих внутри кабины вертолета, а точнее, в его передней половине, задняя часть просто отсутствовала. Вертолет был старый, еще времен Трехлетней войны, все его внутренности когда-то демонтировали, и вместо приборной панели была установлена музыкальная аппаратура, над которой и колдовали музыканты, сидя в пилотских креслах.

Клуб был предназначен для так называемой «серебряной молодежи», «золотая» развлекалась в более дорогих местах. Но и до такого места Максимилиан Брюстер, откровенно говоря, не дотягивал, но это было раньше. Теперь он стал здесь абсолютно своим.

Макс открыл свое дело, конечно, не без помощи своих друзей, и теперь мог приходить сюда открыто, а не тайком через черный вход, как это было еще две недели назад. Брюстер занялся пошивом спецодежды для рабочих, производство было небольшим, но уже появились первые заказы, и в будущем он надеялся расширить свое производство. Ну, а то, что найти заказы ему помогли также друзья, его особо не напрягало, в конце концов, хочешь жить – умей вертеться. Макс старался следовать этому правилу.

Приятели прошли к зарезервированному столику, подбежал официант.

– Что будете заказывать?

– Сначала по пиву, – ответил за всех Уолш. – А потом видно будет.

– Сей момент!

– А вот и девчонки! – радостно воскликнул Фил, указав на соседний столик, когда официант ушел. – День прошел не зря, если их, конечно, удастся захомутать.

– Ваш заказ!

– Ну ты шустрый!

– Вот держи чаевые, – Уолш протянул десять реалов, что было довольно много. – Получишь еще столько же, если так же быстро принесешь вон тем дамам по «Кровавой Мэри».

– Они любят «Желтую Симону», – разоткровенничался официант за такие чаевые.

– Еще лучше! – Уолш отвалил двадцатку, которая тут же исчезла. – Принеси им по «Симоне» и скажи, что от нас.

– Будет исполнено!

Официант, похоже, превзошел самого себя: не прошло и двадцати секунд, как на столике у девушек появились высокие бокалы, а сами девушки смотрели в их сторону.

– Ну что пойдём, – позвал Уолш и, подхватив свой бокал с пивом, двинулся к соседнему столику. – Не следует заставлять девушек ждать.

Делать было нечего, и события развивались так быстро, что все остальные двинулись за ним. Хорошо еще, что количество парней совпадало с числом девушек.

– Привет, меня зовут Уолш, а это мои друзья – Вольф, Макс и Фил. А как зовут вас, прелестные леди? – Уолш подсел поближе.

– Ната, – ответила рыженькая. – А это Елена, Ханна и Ольга.

– Очень приятно, – продолжал Уолш, – а что же вы такие грустные на этом празднике жизни?

– Наша подруга ушла минут двадцать назад, – ответила Елена. – Вы ее случайно не видели? Она ушла куда-то со своими новыми приятелями.

– А как она выглядит?

– Примерно нашего роста, длинные черные волосы. Одета в зеленую курточку и синие брюки.

– Кажется... – успел сказать Брюстер, узнав по описанию жертву неудавшегося нападения. Он непроизвольно погладил щеку с царапинами, но замолчал, получив чувствительный пинок по своей ноге.

– Нет, мы ее не видели, – перебил Макса Уолш, посмотрев тому прямо в глаза колючим взглядом. – Или кто-то все же видел?

– Нет, не видели, – вынужден был подтвердить Макс.

– Ну, а раз такое дело, то давайте веселиться. Ничего с вашей подругой не случится! Пойдемте потанцуем.

И разбившись на пары, они пошли в центр зала, где уже толпилось довольно много народу. Девушки веселились и танцевали, даже не подозревая о том, что случилось, или чуть не случилось, всего в квартале отсюда.

А на центральном экране шел показ прямой трансляции. Наземный парад сухопутных сил сменила более величественная картина. Боевые космические корабли Первого Гвардейского Ударного флота самообороны Новой Земли величественно проплывали над планетой в парадном построении. Растянувшись и встав между двумя лунами, которые в этот момент находились на максимально близком друг от друга расстоянии, они произвели залп. Тысячи лазерных лучей прошли пространство, вслед за ними выстрелили новейшие артиллерийские орудия с электромагнитным ускорением, и за триста километров от них в космическом пространстве вспыхнули взрывы праздничного салюта.

4

У Энрике Бэкли был неприятный разговор со своим боссом Антонио Маччини. Этот человек владел сырьевым спутником, транспортной компанией по космическим перевозкам, а также двадцатью пятью процентами всего игорного бизнеса Альпамира. И это только официально. Его настоящую империю плохо представлял даже Энрике, занимавшийся делами личной безопасности своего босса. По сути, он являлся левой рукой этого человека. Специалист, служивший правой рукой, занимался экономическими вопросами.

Предки Маччини заработали первоначальный капитал грабежом, а точнее абордажем боевых кораблей на поприще большой войны между Арабиейской конфедерацией и Юанской республикой несколько сотен лет назад.

Арабийцы уже сто лет проигрывали одну планету за другой, и все-таки из-за чего былая мощная конфедерация так катастрофически ослабла, до конца было неизвестно. Но, тем не менее, они отступали и скоро должны были окончательно проиграть. Но чем меньше сил становилось у конфедератов, тем ожесточеннее они дрались. После таких боев в космосе дрейфовала куча самого разного хлама: от груд бесформенного железа до вполне боеспособных кораблей. Эти-то корабли и становились жертвами абордажников, или, как их еще называли, «робберов».

«Робберы» врываются на захваченный корабль, уничтожали оставшихся в живых членов экипажа и уводили судно в неизвестном направлении. Причем корабли были как юанские, так и арабийские, пиратам было без разницы, чей корабль угонять, лишь бы он находился в приличном состоянии.

Завершения войны пока не предвиделось, и потому требовались боевые корабли, которые и продавались как тем, так и другим. А воюющим ничего не оставалось, как покупать свои собственные корабли, а иногда и прикупать суда своего противника, чтобы узнать пару-другую технологических секретов врага. Одни за деньги, другие за технологии, которые в свою очередь продавались Новой Земле.

Полученный таким путем от своих предков капитал Антонио Маччини только приумножил. А его владения и влияние были поистине безграничны.

– Единственная причина, по которой ты еще жив, – сказал тогда Маччини, – только та, что с ней ничего не случилось. Насильников кто-то спугнул.

Энрике не боялся смерти, так, по крайней мере, он думал, и не цеплялся за жизнь, но умирать тоже не хотелось, и потому он ничего не сказал поперек. В том, что стержневая девочка, дочка Маччини, сбежала, скрывшись в толпе, хотя знала, что этого делать нельзя, он по большому счету не виноват.

«Захотела порезвиться, вот и порезвилась, – подумал Энрике. – Что она вообще забыла в этом „Гоблине“? Ведь есть же другие клубы ее уровня, а не эта забегаловка...»

– Так вот, – продолжил Антонио. – Ты можешь заслужить прощение только одним способом.

– Говорите, я все исполню...

– Моя дочь активно сопротивлялась, а потому на ней осталось достаточно следов, чтобы установить личности этих гадов. Генетики уже определили троих подозреваемых, ты должен доставить их мне живыми. Ты слышал, живыми! Я их сам убью. Они будут подыхать долго и мучительно. Если нужно, я даже сделаю им переливание крови, и все для того, чтобы они мучились как можно дольше! Вот их адреса, – Антонио бросил кипу бумаг через стол. Там вместе с адресами были фотографии подозреваемых, чтобы никто ничего не перепутал. – Ты еще здесь?!

Машина остановилась и вывела Бэкли из задумчивого состояния. Это был один из самых грязных районов города, каждая вторая лампа освещения не работала, не говоря уже о каждой первой. «И как можно жить в такой грязи? – подумал Энрике. – Как я жил в такой грязи?»

– Босс, вот дом под номером два в вашем списке, – сказал, обернувшись, водитель.

– Хорошо, Бакс, начинаем. – Из джипа вышли шесть человек. – Вы трое заходите с тыла, а мы – в парадную дверь. Напоминаю еще раз, не попортите его. Пошли.

Три человека быстро обогнули здание, а сам Энрике вошел в парадный подъезд. Нужно было подняться на четвертый этаж, где и жил насильник.

Раздался еле слышный скрип, Бэкли напрягся, вслушиваясь, но ничего больше не услышал. «Нервы, – подумал он, невольно вспоминая молодые годы, когда он устраивал всевозможные ловушки и обманки, чтобы скрыться от полиции. – Но все равно, что-то не так, нутром чую...»

Энрике продолжил подъем и вышел на нужную площадку. Вся группа вытащила парализующие пистолеты. Замок на двери был обычный, и потому Энрике скомандовал:

– Шульц, давай!

Шульц мощным ударом ноги выбил дверь, раздался громкий выстрел из дробовика, и неудачливого взломщика отбросило в сторону с рваной раной в груди. «Дерьмо, опять бронжилеты забыли надеть, – успел подумал Энрике, вваливаясь в комнату. – В том числе и я».

Совершенно нагой человек, но с пистолетом в руке, уже прыгал в окно. «Голый в поле не воин, – едва успел подумать Энрике, как услышал частые хлопки парализаторов. – Готов сучонок!»

В подтверждение его мыслей заскрипела рация:

– Босс, субчик готов.

– Он живой?

– В порядке.

– Хорошо, мы спускаемся, – сказал Энрике, на ходу выключая рацию. – Да, промашка вышла. В следующий раз аккуратнее надо быть.

– Что с Шульцем делать?

– А что с ним делать, с собой увезем, – ответил Энрике, ногой сбрасывая тело в межлестничный проем. Внизу послышался глухой удар упавшего тела. – В машину его, к этим уродам.

– Вы что делаете?! – закричал пришедший в себя первый пойманный, когда в довесок поверх него положили его голого приятеля, а сверху труп Шульца.

– Заткнись, мразь! – только и ответил Энрике, захлопывая багажник. – Ну что, Бакс, поехали за третьим номером.

– Как прикажете, босс.

5

Макс Брюстер проснулся от жуткой головной боли и принялся вспоминать, что он выпил и в какой последовательности, и тут же подумал, что это уже не важно. Было темно, и его рука проехала по чьему-то лицу. Он ее тут же отдернул.

«Ну, конечно! Девушка из клуба. А где моя машина!!! – в панике подумал Макс, но быстро успокоился, вспомнив, что он вызвал специальную службу, которая и отбуксировала машину в гараж. – Так с этим разобрались... А как зовут ее? Элен, Хелен, Анна, Ханна? Ее зовут Ханна!»

Имя для него имело важное значение.

Он оделся и пошел на кухню, где-то там должны были быть таблетки от головной боли, специально для таких случаев – при передозировке алкоголя.

«Еще странно, что у меня с ней что-то получилось, – подумал, ухмыльнувшись, Макс, и запил таблетку водой. – Или не получилось? Ничего не помню, – сокрушенно покачал головой Брюстер, но потом просиял, все вспомнив. – Нет, получилось, да, получилось, иначе и быть не могло!»

Макс напрягся, услышав в прихожей шорох. «Это кот, хотя нет. Кот сдох месяц назад... Тогда кто или что?» – подумал он. И чтобы найти ответ на вопрос, пошел в коридор. Было тихо, и когда он уже подумал, что ему все это просто показалось, дверь слетела с петель, и в образовавшийся проем в полном молчании влетели три человека.

По всей видимости, ворвавшийся не ожидал увидеть свою жертву так скоро, а потому просто и без затей ударил его рукояткой пистолета по голове. Брюстер даже не успел ничего понять и среагировать, как упал в бессознательном состоянии.

– Ты его не слишком сильно приложил? – словно через вату услышал Макс.

– Да нет, легонько. Сейчас оклемается, вот видите, зашевелился!

– Не трогайте, не трогайте меня! – заверещал Брюстер, подсознательно замечая, что где-то уже слышал эти слова. – Забирайте деньги и уходите, они там, в шкафчике, на третьей полке слева!

– Заткнись, мы не грабители! – проорал низенький человек и, видя что его слова не действуют и этот сопляк сейчас снова разорется, вlepил пощечину, жалея, что зубы выбивать запрещено.

– А кто?

– Конь в пальто! – ответил высокий и, когда смех поулегся, добавил. – Кастрировать тебя будем.

– За что!!! Она добровольно!

– Да мы не о ней. – Высокий кивнул в сторону постели, где, забившись в угол, сидела Ханна. – А о той, которую ты со своими приятелями пытался изнасиловать.

– Это не мы! Поверьте мне, это не мы! Мы с моими приятелями, наоборот, пытались предотвратить злодеяние!

– А раны на лице?

– Так она ничего не соображала, наверное, подумала, что я и есть насильник, и врезала! Это ошибка! Это трагическая ошибка!

– Всякое может быть...

Энрике осмотрел комнату при слабом свете ночника. «Что ж, действительно явное отклонение от двух предыдущих случаев, слишком легко и быстро нашли. Не пришлось даже задействовать агентуру, как прежде, – подумал он. – Но нужно доставить трех человек, причем сегодня же. Иначе кастрируют меня, а я этого не хочу».

– Ты знаешь, я тебе верю, но это ничего не меняет. Извини, мне очень жаль. Берите его.

– Нет, не надо, не надо! Прошу вас!

Два человека подхватили Брюстера под мышки и двинули ему в бок, так что он стал хватать ртом воздух, как рыба, не в силах сказать ни слова. А третий надел ему пластиковые наручники, крепко стянув руки вместе. И как был в пижаме, повели его на улицу, где их уже поджидала машина. Стоящий рядом с джипом человек открыл багажник, и от увиденного там Макса вырвало прямо на ботинки главаря.

На востоке поднималась заря. Светало.

– Что же ты, засранец, делаешь?!

– Извините...

– Босс, тут места нет.

– Что, правда? Вот зараза! Ладно, повезем в салоне. Щас только ботинки почищу. – И отерев ботинки о траву, Энрике скомандовал: – Все поехали.

Брюстера в темпе запихали в салон семидверного джипа, на одно из задних мест, и двое амбалов зажали его с двух сторон. Машина плавно тронулась и поехала в сторону города.

– Накройте его.

– Зачем, босс?

– Сейчас будет мост, а там дежурит полицейский. Видите ли там часто всякие придурки желают покончить с жизнью.

– Ну и что?

– Так он в пижаме! У копа это может вызвать подозрение, а нам неприятности ни к чему, даже временные. И еще напомните мне, чтобы в следующий раз взяли машину с тонированными стеклами.

– Понял, босс, щас все сделаем.

Один из конвоиров снял с себя куртку, накинул ее на плечи Макса и даже застегнул верхнюю пуговицу.

– О! Так-то лучше, – похвалил Энрике своего подчиненного.

Картина увиденного Максом трупa мешала трезво размышлять, и приходило понимание того, что с ним будет то же самое. Мысли путались в голове, и только одна пульсировала отчетливее других: надо что-то делать! Но что можно предпринять? Позвать полицейского? Машина выехала на мост, и сразу стало видно, что полицейского сегодня нет. «И так всегда! – в отчаянии подумал Макс. – Когда они нужны, их нет, а когда не нужны, так целая толпа!»

Машина выехала на середину моста. Брюстер больше не размышлял, теперь ему казалось, что он смотрит на себя со стороны. Макс изо всей силы ударил левого конвоира в пах и сразу же с размаху врезал в лицо справа сидящему. Он всем телом рванулся к двери, каким-то чудом успел открыть ее и вывалился наружу, сильно ударившись об асфальт. Он пролетел по инерции еще несколько метров, пока не ударился о бордюр.

Машина затормозила с визгом и остановилась в двадцати метрах от места падения Макса. Брюстер, не чувствуя боли, быстро вскочил на ноги, к нему уже бежали пять человек, на ходу выхватывая пистолеты. Вид оружия подстегнул Макса, и он, ничего не соображая и доверившись инстинктам, перемахнул через поручни и спрыгнул с моста.

– Ааа... – послышался его протяжный крик.

Преследователи открыли стрельбу по сиганувшему с моста Максy. Но тщетно, на дальних дистанциях они были не слишком точны, и беглец ушел невредимым.

– Вот дерьмо! – Энрике от злости даже топнул ногой и плюнул в реку. – Сволочь!

– Да, плакали мои денежки, – проговорил один из амбалов с разбитым лицом.

– Какие еще денежки?

– Там в куртке было около тысячи наличными, ну и на карточке около десяти.

– Молитесь теперь, чтобы нас вместо него не кастрировали... – замогильным голосом произнес Бэкли и достал сотовый телефон.

Он звонил своему школьному другу Майклу Донатану, ныне майору, начальнику вертолетной группы на близлежащей базе. Энрике иногда выполнял малоприятные поручения Майкла, а тот, в свою очередь, его, небескорыстно, естественно.

– Алло? – донеслось из трубки.

– Привет, Майк, это я.

– Чем могу быть полезен, Энри?

– С моста упал человек, я хотел бы, чтобы твои ребята его поискали.

– Я сейчас же организую поисковую операцию. Уже поднимаю машины...

– Я хотел бы, чтобы это было без огласки...

– Ты знаешь расценки, Энри? – скорее утвердительно, чем вопросительно, сказал Донатан.

– Да, Майк, начинай поиски... – Энрике отключил телефон и сказал, повернувшись к своим подчиненным: – Раз пошла такая пьянка, сбросьте тело Шульца в реку.

– Нет проблем, босс.

Двое подчиненных сбегали обратно к машине и выволокли из багажника безжизненное тело. Пленники притихли, опасаясь, что именно сейчас их и пустят в расход.

– Никогда не думал, что он был таким тяжелым кабаном...

– Помолчал бы уж.

Поднатужившись, бандиты перевалили тело своего боевого товарища через поручни и сбросили в реку.

6

– Ааа... – громко кричал Макс, но недолго. Попадшая в рот вода заставила его замолчать.

Холодная вода буквально обожгла его тело, и он стал активно грести закованными руками и махать ногами, пытаясь всплыть с большой глубины. Рядом, оставляя в воде воздушные дорожки, взрывались синеватым светом электрические пули. И он понял, что по нему ведут стрельбу.

Воздуха катастрофически не хватало, легкие жгло от нехватки кислорода, но вот быстрый поток выбросил его на поверхность. Кругом были отвесные скалистые берега, и Макс, несмотря на холод, решил остаться пока на середине реки, поскольку мог запросто расшибиться о камни.

Судороги свели ногу. Она просто болталась в холодной воде и тянула все тело на дно. Макс решил – будь что будет, но нужно выбираться из реки, иначе можно банально утонуть, а так есть хоть маленький шанс удачно зацепиться за камень и при этом не погибнуть. И Брюстер погреб к берегу. Вскоре он почувствовал, что поток ослабевает, а берег становится более пологим.

Сил уже совсем не оставалось, но он все же смог вылезти на берег, и тут отказала вторая нога. Места были совсем дикие. Сюда еще не успела добраться цивилизация со своими машинами, понятиями о порядке и прочей техногенной моралью.

Макс Брюстер вылез на берег и, отталкиваясь руками, пополз дальше, понимая, что останавливаться нельзя ни в коем случае, иначе замерзнешь. Он полз, пока не осталось сил, и обнаружил, что заполз под какой-то навес из камня с травой, образующий своего рода шалаш, защищавший от ветра. Макс попытался поплотнее укутаться в куртку, так и висевшую на его шее, но ничего не выходило – мешали наручники, а тело колотило так, что зуб на зуб не попадал.

Быстрый осмотр показал, что в карманах есть ворох бумажных денег, пластиковые карточки, зажигалка и ключи. Ему вдруг стало себя так жаль, что слезы покатились сами собой, но он их и не пытался остановить.

Макс выбрался наружу и стал срывать сухую траву, собирать мелкие веточки, и когда набралась достаточно большая куча, запалил костер. Он дымил, создавая серьезную опасность быть обнаруженным, но другого выхода не было. Нужно согреться и обсохнуть, это сейчас главное. Макс все подкидывал и подкидывал топливо в огонь, пока пламя костра не превысило его собственный рост. Набрав силу, костер перестал дымить, и вероятность визуального обнаружения с воздуха заметно упала.

Длинной палочкой Брюстер вытащил из костра тлеющую головешку и попытался расплавить наручники, которые ему уже порядком надоели. Пластик поддавался плохо, и Макс обжегся, но толщина наручников все же заметно уменьшилась. Тогда он взял острый камень и, закрепив его между ног, попытался перерезать пластик, что ему и удалось сделать минут через пять.

– И куда же мне идти? – задал себе вопрос Брюстер, когда в достаточной мере согрелся и обсох. Он говорил в полный голос, опасаясь, что может сойти с ума, если не поговорит. – Домой возвращаться нельзя, к друзьям и знакомым тоже... О том, чтобы остаться здесь на пару дней, не может быть и речи. Насколько я знаю, здесь, хоть и в малых количествах, но присутствует животный мир, а соответственно, есть и хищники. Охотиться я не умею и даже если кого-нибудь поймаю, то вряд ли приготовлю. Что же делать?...

Так и не придя к какому-либо определенному выводу, он направился к городу, от которого по приблизительным расчетам его отнесло на двадцать пять, а то и на все тридцать километров.

– Там я, по крайней мере, смогу нормально поесть и все обдумать. Точно! Пойду прямо в полицию и все им расскажу! – От принятого решения ему стало гораздо лучше. Жизнь снова обрела утраченный смысл.

Высоко в воздухе, возвращаясь с учебного задания, летели два вертолета. Можно было, конечно, остановить и сложить широкие лопасти перпендикулярно к корпусу и добраться до базы как самолет, включив ускорители, но командиру группы было гораздо приятнее управлять машиной именно так, как вертолетом.

– Ивар, – позвал второго пилота командир Рэм Кинг. – Что грустный такой?

– Надоело все, – честно признался Ивар. – Все летаем, летаем... а работы как таковой нет. Скучно.

– Что не увольняешься?

– У меня контракт истекает через полгода. Возможно, я расторгну его раньше срока.

– И что потом? – не унимался Рэм.

– Думаю попробовать себя в качестве боевого пилота. Думаю записаться в армию к «торгашам», у них и зарплата побольше раза в четыре, чем у нас, плюс бонус за каждую сбитую цель.

– Если тебя раньше не собьют, – Рэм приложил руку к шлему и сказал: – Слушаю вас, господин майор.

– Капитан, покружи над лесом, поищи человека, он упал с моста и должен быть где-то в твоём районе.

– Сэр, это не наша обязанность, для этого есть служба спасения, – Рэм стал прошупывать ситуацию на предмет дополнительного заработка. Он сразу понял, что это «левая» работа, и сейчас все зависело от ответа майора. Обычно в таких ситуациях он делал легкий намек на вознаграждение.

– Это приказ, капитан!

– Слушаюсь, сэр! – капитан оборвал связь и переключился на второй вертолет. – Слушайте новое задание: берете под свой контроль левый берег и докладываете мне обо всем подозрительном и нетипичном для этой местности. Я беру правый берег. Общий радиус поисков – пять километров. Начинаем.

– Вас понял.

И два вертолета спикировали вниз и разошлись в разные стороны, беря под наблюдение каждый свой участок гористо-лесистой местности по обе стороны от реки. Они кружили уже пятнадцать минут, и всем это порядком надоело.

– Господин капитан...

– Слушаю, Чип.

– Примерно в трех километрах к югу замечен дымок от костра.

– Молодец, Чип, до связи.

Рэм уже нажал вызов, собираясь доложить обо всем майору, но передумал. «Нужно делиться, приятель, и не быть таким жадным, – подумал капитан. – Жадность фраера сгубила».

– Господин майор, – Рэм все же вызвал своего начальника.

– Что у тебя, капитан? Вы его нашли?

– Никак нет, сэр. Мы проверили местность самым тщательным образом, но ничего подозрительного не обнаружено. Прошу разрешения вернуться на базу, у нас подходит к концу топливо.

– Разрешаю, – разочарованно протянул майор и отключился.

– А насчет наемничества к «федералам» не советую, – произнес Рэм, как будто разговор и не обрывался. – Они сейчас отступают, и люди у них горят как дрова...

7

Брюстер шел целый день, выбирая места с древесной растительностью, чтобы можно было спрятаться. В прошлый раз ему крупно повезло, когда, как он считал, его не заметили, хотя гул вертолета был совсем близко.

Сейчас он жалел, что не следил за своим физическим состоянием, как это делал его друг Уолш или хотя бы Фил, те много времени проводили в спортзалах. Он часто спотыкался и падал, разбивая руки и колени в кровь о каменистую почву. Период между остановками каждый раз сокращался, а время самого отдыха увеличивалось.

Уже под вечер, когда на небе появились первые звезды, изголодавшийся и исцарапанный колючим кустарником, он увидел цель своего путешествия – Франбрэд, такой знакомый, но ставшим чужим, столичный город Альпамира.

Макс в последний раз пошарил по карманам и вытащил пластиковые карточки. Взглянув на них в последний раз, он выбросил их, понимая, что воспользоваться ими не сможет. И стал спускаться вниз, это было еще труднее.

Он выглядел таким оборванцем, что выделялся даже среди чумазных нищих, а воришки обходили его стороной, считая, что с такого взять точно нечего. А Брюстер, тем не менее, шел в полицейский участок, как и задумал в самом начале. Но в бедных кварталах они были очень редки.

На глаза попала закусочная, и живот Макса сильно заурчал, требуя заправки, да так громко, что на него обернулась одна из проституток. Ноги сами собой несли его к прилавку.

– Двойной, нет, тройной гамбургер и большой стакан чаю, – сделал заказ Макс и, видя, что продавец сомневается в его кредитоспособности, вытащил кончик самой мелкой купюры.

– О'кей. – И на стойке появилось затребованное Максом.

Брюстер налетел на еду, прямо не отходя от стойки, набивая рот до отказа, так что крошки сыпались вокруг. Он ел, даже не прожевывая толком пищу и запивая чаем.

– Ты откуда такой взялся? – поинтересовался продавец, вытирая валившиеся на стойку крошки.

– Из л... у, – попытался ответить Макс и, прожевав, сделал вторую попытку: – Из лесу вестимо.

– Ага! Отец, слышишь, рубит, а я отвожу! – засмеялся продавец.

– Спасибо, – поблагодарил Макс, расплачиваясь за еду. – А откуда я, это длинная история, а времени у меня совсем нет.

– Что ж, я не в обиде.

– Малыш, не хочешь развлечься?

– Уж чего-чего, но только не это. Хотя...

Макс осмотрел жрицу любви. «Вроде ничего, – подумал он, – только сил у меня совсем нет». Брюстер посмотрел вдоль улицы и краем глаза заметил, как от него отвели любопытный взгляд. По темной улице брели редкие люди. «Похоже, теперь о моем богатстве знает каждая крыса, – подумал Макс. – И вполне вероятно, что до полицейского участка мне не дойти. По крайней мере, на своих двоих, а вот на катафалке точно там окажусь».

– Пожалуй, развлекусь, показывай дорогу.

– Пойдем.

Комната оказалась довольно чистой. Без всякой дешевой бижутерии, хотя Макс и не знал, как должны выглядеть подобные места. Если было нужно, он пользовался услугами девочек по вызову, которых привозили прямо на дом.

– Как тебя зовут?

– Лиза... Что приступим?

– Сколько ты берешь за час?

– Полтинник.

– Вот что, Лиза, сказать по правде, мне сейчас не до любовных утех. Я просто хочу хорошо выспаться, а потому поступим так, – Брюстер вытащил деньги и положил их на столик. – Тут у меня тысяча сто, когда я проснусь, здесь должно остаться семь сотен. Как бы это смешно ни звучало, но я надеюсь на твою порядочность. Если захочешь меня обмануть, то дело твое, но тогда сделай так, чтобы я вообще не проснулся. Я пока пойду в душ, а ты постели чистое белье, если тебе не трудно. Ну, так как?

– Идет.

– Спасибо.

Засыпая, Макс подумал о том, правильно ли он поступил, но переигрывать не было никаких сил. Сон свалился на него сразу, не было этих часовых перекатываний с боку на бок, которыми он мучился, как ему казалось, уже в прошлой жизни.

Ему снилось поле, кругом цветы, чистое небо над головой, высоко парил орел, выискивая добычу, но вдруг картинка поменялась. Налетели хмурые тучи, и среди молний вниз посыпались какие-то точки. «Какой странный дождь, – подумал он во сне. – Какие крупные капли!»

Поляна, которая до этого была оплотом мира и спокойствия, вдруг разлетелась на куски от частых разрывов бомб. Он хотел убежать, но не мог пошевелить даже пальцем. Кольцо разрывов быстро сужалось, все быстрее и быстрее приближаясь к Максусу. Он посмотрел вверх, с неба прямо на него падала бомба, послышался зловеющий свист и взрыв.

Макс ничего не понял, по-прежнему поляна была в цветах, а о бомбежке ничего не напоминало. Чистое голубое небо, бабочки порхают с цветка на цветок, птички поют. Он посмотрел вниз. «Что за хрень, где мои ноги? – подумал Макс, он даже пощупал то место, где они должны были быть, но там ничего не было. – Где мои ноги!!!»

– А-а-а!!!

Брюстер вскочил с кровати, сдернул с себя одеяло и, как сумасшедший, стал хватать себя за ноги, которые были на том месте, где и должны были быть.

– Что случилось! – в комнату вбежала Лиза. – Кошмар приснился?

– И еще какой! Ни за что не забуду, – Макс прищурился от яркого света и смахнул со лба выступивший крупными каплями холодный и липкий пот. Уже давно рассвело. – Где моя одежда?

– Я ее выбросила. Твоя одежда была такой рваной, что тебя забрал бы первый же патруль.

– А как же я тогда...

– Вот возьми это, кажется твоего размера, – Лиза протянула пиджак и спортивные штаны. – Это у меня после полицейской облавы осталось, их владельца забрали в чем мать родила, ну, а он за ними не вернулся. Одежда входит в сумму твоего вознаграждения. Пошли, чай попьешь.

– Спасибо, – сказал Макс, быстро одеваясь, и, не пересчитывая, сунул деньги в карман, схватив их со стола. Большого смысла в их пересчете он не видел. Раз он жив, значит, и с деньгами все в порядке.

8

Днем, при ярком свете, пришло ощущение безопасности, и потому Максимилиан Брюстер открыто вошел в полицейский участок. В приемной было не протолкнуться, в «обезьянниках» сидели задержанные, понуро ждавшие решения своей участи – отпустят их сразу или дело дойдет до скамьи подсудимых.

Брюстер подошел к окошку с надписью «Приемная» и постучал в него, в открытом окошке показалось неприветливое лицо сержанта.

– Извините, сэр, я хотел бы подать заявление об убийстве и попытке похищения.

– Даа?... – удивился сержант. – И что?

– В смысле? – не понял вопроса Макс. – К кому мне обратиться?

– Кабинет тринадцать, на втором этаже, – наконец дал вразумительный ответ полицейский. – Поднимешься по лестнице, и направо.

– Я понял.

Найти кабинет оказалось не так-то просто, но его проводил сержант. Брюстер постучал в дверь с цифрой «тринадцать» и вошел.

– Садитесь, – сказал ему седой старичок в звании лейтенанта. Табличка на его столе извещала, что лейтенанта зовут Т. Колумб. – За что вы убили своего соседа по площадке?

– Я? Я не убивал! Тут какая-то ошибка!

– Ну не я же его грохнул.

– Меня зовут Максимилиан Брюстер, я пришел сюда добровольно, чтобы рассказать об убийстве и попытке похищения...

– Это правильно, – одобрил лейтенант. – Явка с повинной смягчит ваше наказание.

– Да что же это такое! Меня! – Макс стал бить себя в грудь. – Меня хотели похитить и чуть не убили! И чуть яйца не отрезали!

– Успокойся, просто тебя привел сержант, и я подумал, что это по моему вызову... Где-то я уже видел твое лицо, но вот где? Склероз меня попутал. Хорошо, давай все по порядку, что, где, когда...

Брюстер рассказывал долго, иногда сбивался или повторялся. Лейтенант его не перебивал, навидавшись за свою долгую службу всякого. Его ум работал четко, как компьютер, а внешняя рассеянность была только прикрытием, для того чтобы вводить в заблуждение своих молодых коллег и преступников, хотя иногда это было почти одно и то же. На подобную ловушку попались многие, но не все. Взять хотя бы того же Антонио Маччини.

Лейтенант Колумб уже давно сопоставил одно с другим, но все же должен был признаться самому себе, что слишком долго вспоминал лицо этого посетителя. Теперь он вспомнил: на этого пацана, двадцати с небольшим лет, в компьютер одного из его продажных коллег пришел файл. За поимку и доставку этого Брюстера, в обход официальных процедур, объявлялось вознаграждение в десять тысяч кредиток. При зарплате в три тысячи это была внушительная сумма. Оставалось неясным, видел ли получатель файла данного субъекта и как все это можно использовать против Антонио Маччини, на котором, прямо или косвенно, висело десятка два «глухарей». И лейтенант должен был признать, что этого парня использовать никак нельзя, все пришедшие в голову планы рушились как карточный домик. Мафиози был ему откровенно не по зубам, да и к тому же осторожен, как черт. Любая операция с задействованием данного свидетеля приведет к его смерти. Колумбу было не особо его жаль, просто все бесполезно.

– Вот и весь мой рассказ, – закончил свое повествование Брюстер.

– Да, парень, не повезло тебе, и скажу тебе честно: все это бездоказательно, ведь улик у тебя нет, а слова к делу не пришьешь.

– Но как же так?!

– Я не говорю, что не верю. Верю, но этим ничего не изменить. Я не могу даже вписать тебя в программу защиты свидетелей.

– Что же мне делать?

– Не знаю. Бежать, прятаться. Как я понял, деньги у тебя есть, на первое время хватит. Убирайся в другой город и надейся на лучшее. Я же, со своей стороны, так и быть пущу информацию, что ты невиновен и вообще ни при чем. Так что через месяц, от силы три, сможешь вернуться к нормальной жизни.

– Это все, что вы можете?

– Увы, но это так.

– Неужели ничего нельзя сделать! Ведь можно просто объяснить, что я здесь ни при чем, что все это ужасное недоразумение...

– Видишь ли, сынок, в чем беда... Маччини немного придурковат, и если он что-то вбил в себе в голову, то выбить это может только свинцовый посланец весом в девять граммов, желательно в упор, желательно разрывной...

– А кто этот Маччини? Я о нем немного слышал, но подробно не интересовался.

– Один из трех здешних самых крупных владельцев земель, заводов, пароходов и тэ пэ и тэ дэ... Занимается нелегальным бизнесом, проще говоря, преступник, но взять мы его не можем, а почему – долго объяснять, да тебе и не нужно знать. Конечно, по сравнению с воротилами Новой Земли, он довольно-таки мелкая сошка, и там бы его довольно быстро захмутили, но здесь он – бог и царь.

«Хотя, с другой стороны, почему бы и не попробовать, – подумал лейтенант, вернувшись к старым мыслям. – Если все получится хорошо, то рано или поздно Маччини допустит ошибку, и тут я его поймею во... впрочем, я увлекся».

– Но почему пострадавшая девушка сама не расскажет своему отцу все, как было? Она же все видела и могла бы многое прояснить.

– Видишь ли, в чем проблема, – лейтенант устало вздохнул, – у них это семейное...

– Не понял...

Лейтенант Колумб покрутил пальцем возле виска и добавил:

– Но, к счастью, у нее в гораздо меньшей степени, но из-за этого у нее такой необычный заскок.

– Так в чем собственно проблема?

– По моим данным, она сейчас находится в психиатрической лечебнице, по понятным причинам этого не афишируют.

– Тогда откуда вы все это знаете?

– Видишь, какая у меня седая голова? В полиции я работаю без малого полвека и знаю многие способы добычи информации. Но мы отвлеклись. В результате полученного шока она впала в какое-то шоковое состояние с умным названием, из которого ее не могут вывести даже самые лучшие врачи с невероятно дорогими препаратами. Опять же, по моим данным, из этого шокового состояния ее мог бы вывести другой пережитый шок, но сам понимаешь, что в закрытой больнице только тишь и спокойствие. И потому рассчитывать на ее скорое выздоровление тебе не приходится, что на руку ее отцу, она доставляет ему слишком много хлопот, но все же он ее любит и всячески оберегает.

– Вот ведь гадость-то какая!

– Да, неприятная ситуация... В шкафу висит одежда, переоденься, чтобы не бросаться в глаза. Вот адрес, это в Ганновере. Обратишься к этому человеку, скажешь, что от меня, он даст тебе документы, липовые, конечно, но какое-то время ты сможешь с ними продержаться и даже устроиться на кое-какую работу, с которой протянешь некоторое время.

И Брюстер второй раз за день поменял обновку.

9

После ухода Брюстера в кабинет лейтенанта Колумба вошел вечно веселый начальник участка – полковник Паоло Краун, даже выглядевший моложе своего подчиненного лет на десять. Вслед за ним явились два парня в новенькой форме.

– Привет, лейтенант!

– Здравствуйте, сэр, – ответил лейтенант, чуть привстав из-за стола, и сразу же плюхнулся обратно. – Чем могу быть полезен?

– Да, в принципе, уже ничем, – пошутил Краун. – Вот привел двух новеньких ребят, только что из училища.

– А я тут при чем?

– А при том, что ты берешь над ними шефство. Будешь обучать их всему, что знаешь сам, так сказать, передавать опыт молодому поколению.

– И как вы себе это представляете? – спросил Колумб, который этим никогда не занимался. – Что мне с ними делать? Может, показать им, где туалет находится?

– Понятия не имею, а насчет последнего, они уже знают. Желаю удачи, лейтенант.

– И вам того же, сэр, – ответил Колумб, поскольку знал, что за внешним благодушием скрывается взаимная неприязнь, а с чего она началась, он уже, откровенно говоря, и не помнил.

Новички стояли по стойке «смирно», а лейтенант рассматривал их лица. Он на своем личном опыте убедился, что первое впечатление, полученное о человеке, на девяносто процентов самое верное. Хотя бывали и исключения из правил.

– Как вас зовут? – спросил лейтенант, хотя отлично видел их нагрудные планки с именами, у него была дальновзоркость.

– Сержант Твикс, сэр! – ответил первый, которого лейтенант в душе охарактеризовал как исполнительного и в целом надежного.

– Сержант Банин, сэр! – ответил второй.

С ним все обстояло иначе, некоторые черты лица не понравились Колумбу. «Наверное, капризен, – сказал он себе, – карьерист, по трупам пройдет». А вслух спросил:

– Ну, а имена у вас есть?

– Мик, Мик Банин, сэр.

– Оил, – просто добавил сержант Твикс.

– Теодор Колумб. Вот и познакомились. На какую степень вас должны будут поставить после окончания стажировки?

– Седьмую, сэр.

– Плохо учились, что ли, если на седьмую степень, да еще в наш район?

– Никак нет, сэр, – ответил сержант Твикс. – Мы попали сюда после жеребьевки.

– Ну что ж, пожалуй, у меня есть для вас задание. Оружием пользоваться умеете?

– Так точно! – ответили те хором.

– Отлично, вот вам пистолеты, – лейтенант извлек из ящика стола два парализатора «Стек» на десять патронов и по дополнительной обойме к ним. Все это он бросил недоуменно переглянувшимся друг с другом сержантам. – Ваша задача – проследить за объектом, обнаружить возможную слежку за ним и в случае чего обезвредить ее, если та начнет проявлять активные действия по отношению к объекту. Все понятно?

– Так точно, сэр.

– Сразу предупреждаю, это не тренировка, а реальная операция, от исхода которой зависит не только жизнь данного объекта, но и ваша карьера, так что не завалитесь, – лейтенант достал распечатанную фотографию и показал ее новым сотрудникам полиции. – Запомнили лицо? – и когда они кивнули, бросил фото в уничтожитель, после которого, даже склеив

все мельчайшие фрагменты, восстановить отображенную на них информацию ни за что не удастся. – Отлично. Объект движется в сторону железнодорожного вокзала. Ну и чего вы ждете?

Полицейские, козырнув, выскочили в коридор как ошпаренные, испортить свою карьеру, ради которой они отучились по пять лет, да еще в первый же день, они не хотели. Ожидая чего-то более скучного и занудного вроде ознакомления со своим кабинетом, они спешили во весь опор, на ходу проверяя оружие на предмет срока годности патронов, чем пугали даже бывалых полицейских.

«Стек» ближнего радиуса действия стрелял пулями, которые, попадая в цель, разрушались и вырабатывали такой электрический разряд, которого хватало, чтобы свалить коня. Без синяков при этом, конечно, не обойтись, но все же лучше, чем настоящая пуля в брюхе.

Им нужно было торопиться. Вокзал был хоть и единственным в городе, но огромным. Так что найти там человека было довольно сложно, но, тем не менее, возможно. Машина, взвизгнув колесами, понеслась вперед, создавая опасные ситуации на дороге.

10

Макс Брюстер вошел в зал ожидания железнодорожного вокзала, который находился в центре полукруглого здания. Повсюду ходили люди, кто-то радостно встречал прибывших, где-то сдержанно расставались, но большинство были безразличны. И Макс почувствовал себя лишним на этом празднике жизни.

Его рейс, если верить расписанию, будет только через полчаса. А потому Брюстер решил перекусить в буфете, благо, что денег после покупки билета на поезд было еще предостаточно, около четырех сотен. Итого в свободном обращении у него оставалось три сотни, так как сотню надо будет отдать человеку в Ганновере за фальшивый паспорт.

Брюстер вошел в буфет на четвертом ярусе, из окна которого можно было наблюдать за залом ожидания, и сразу же напоролся на колючий взгляд парня примерно его возраста, сидящего в дальнем конце зала. Но тот не потупил взгляд, как того ожидал Макс, а перевел его за его спину, как будто он с самого начала смотрел туда.

«Ну вот, – обреченно подумал Макс, – на меня уже идет охота, практически загнали в угол, разве что красных флажков не хватает. Хотя вряд ли они будут брать меня прямо здесь, уж слишком много народа, да и полицейский рядом».

Немного успокоившись, Макс сделал заказ и принялся за еду. Ел не спеша, словно желая доказать всем, что он их не боится. А когда посмотрел на дальний столик, то никого там не обнаружил.

А между тем, через стекло соседнего буфета за ним наблюдал Энрике Бэкли. Большие возможности его босса позволили программисту из его группы проникнуть в систему слежения вокзала и отыскать нужного им человека за десять минут.

Энрике Бэкли снова остался цел и невредим после встречи со своим боссом. Только лишь потому, что он доставил двоих из трех. Маччини сразу же принялся за них в своем подвале, звуконепроницаемое окно которого выходило на чудесный сад, в котором произрастали полсотни самых разных деревьев. Деревья были из числа редких, их привезли на Альпамир по личному заказу мистера Маччини.

Энрике знал, что под каждым деревом лежит скелет, и не всегда только его личных врагов, но и нерасторопных подчиненных. Как заметил Бэкли, там уже были подготовлены три ямы, и он опасался, что в одну из них закопают его вместо ускользнувшей жертвы. Но все обошлось, и после хорошего нагоняя его отправили на поиски третьего. Он хотел рассказать о невиновности третьего, но передумал, поскольку найти этого хлюпика будет гораздо проще, чем настоящего, пропавшего с концами.

– Босс, когда чижика брать будем? – стал проявлять нетерпение один из его боевиков, сидевший напротив Энрике.

– Никуда он от нас не денется. Впрочем, Шиза, возьми еще двух человек и перекрой выходы на лестницу на первом, втором и третьем ярусе. Я думаю, наверх он не пойдет. Еще двоих отправь в ближайший туалет, а то он столько кофе пьет, что его непременно проберет по-маленькому, там мы его и попытаемся взять.

– Ясно босс, а то уже засиделись, – радостно ответил Шиза в предвкушении хоть мелкого, но развлечения.

– Тогда иди...

Двое без пяти минут полицейских сидели в темном помещении, слабо освещаемом экраном миникомпа.

– Ну что, Мик, поставил?

– Да поставил, под стол прилепил. Чуть не засыпался...

– Что так?

- Да только сел за стол, как он вваливается.
- Так это хорошо. Какой номер у камеры был?
- Третий, нет пятый... точно пятый.
- Сейчас посмотрим...

Сержант Банин достал портативный компьютер, размером чуть больше ладони. В нем не было бы ничего необычного, поскольку практически каждый полицейский имел такого же электронного помощника, в котором хранилась важная информация о том, какой самый кратчайший путь из пункта «А» в пункт «Б», до информации о разыскиваемых лицах.

Этот же компьютер был изъят у десятилетнего сопляка-вундеркинда, который каким-то образом усовершенствовал его, встроив новую функцию, а именно – слежение с помощью мини-камер. И этот вундеркинд, поставив видеокамеры в женской раздевалке, подглядывал за интимным действием, сидя в туалете, где его случайно и застукал Мик Банин, открыв первую попавшуюся кабинку.

- Ну что, ты нашел его?
- Да, вот он сидит, кофе попивает.
- Это плохо.
- Почему?

– Если пьет кофе, да еще в таких количествах, значит, он нервничает. Когда человек нервничает, сердце работает быстрее, увеличивается нагрузка на почки, и он хочет в туалет. Все это усугубляет само кофе, являющееся также мочегонным. А у меня почему-то такое чувство, что именно в туалете камеры у нас нет.

- Ну, мы же не извращенцы какие-то.
- Ради дела всегда нужно быть немного извращенцем.

– Ты действительно думаешь, что это все всерьез? – спросил Мик, начавший сомневаться в реальности происходящего. – А не, скажем, подстава, то есть, я хотел сказать – постановка.

- А хрен его знает.
- Кого?

– Старикана этого, лейтенанта Колумба. Но пистолеты настоящие, я проверил. Хотя это так же не исключает вероятности постановки. Будем исходить из того, что это действительно все всерьез.

- Он встал, – сказал Мик, показывая экран своему напарнику.
- Что я говорил, – торжествующе заявил Оил. – Проняло его, как миленького!
- Что делать будем?

– Не знаю, – ответил сержант Твикс, смотря на экран. Сейчас показывала камера под номером «два», дававшая обзор коридора, по которому по своим делам спешила куча народу. – Ладно, сиди здесь, а я пойду в туалет.

- Жаль, что мы еще слежку не выявили.

– Так действительно было бы гораздо проще. В случае чего предупредишь меня, вот возьми, – Твикс протянул наушник и такой же засунул себе в ухо. – Ну все, я пошел.

Сержант Твикс выскочил из подсобного помещения для уборщиков, в котором они сидели, и быстрым шагом двинулся к намеченной цели. Только он вошел, как сам почувствовал, что ему необходимо освободить мочевой пузырь. Только он закрылся в кабинке, поскольку все стенные писсуары были заняты такими же страждущими, как услышал голос напарника в своем ухе:

– Объект заходит за тобой... и еще, кажется, я обнаружил слежку, тоже идет к тебе. Мужик лет тридцати пяти, зеленая куртка, черные штаны, квадратная прическа. Будет на месте примерно через двадцать секунд.

Хлопнула дверь. «Так, объект на месте, – подумал сержант Твикс, сливая балластную воду из организма. – Сейчас еще один должен войти. Не ошибиться бы...»

11

Макс Брюстер подозвал официанта и расплатившись с ним вышел из-за стола. Мочевой пузырь резало, будто там провели ножом. Пританцовывая на месте, он определял, где находится ближайший толчок. Наконец, выбрав направление, он, обгоняя прохожих, побежал к заветной цели.

Народу оказалось немного, только что целой толпой все вышли, и он направился к ближайшему писсуару, но из-за того, что перетерпел, дело никак не шло. Поглощенный своей проблемой, Макс не сразу заметил, как вошедший человек закрыл за собой дверь. Брюстер недоуменно оглянулся и обнаружил, что кроме него и Зеленого, как про себя окрестил вошедшего Макс, никого нет.

Сзади послышалось шевеление, и из кабинок вышли еще два человека. Крепыш с переломанным носом и со шрамом под ухом и еще один под метр девяносто, лысый, производящий негативное впечатление из-за татуировки в виде паука, сидящего в центре паутины, на блестящей от пота макушке.

«Натуральный паук, – подумал Макс. – С такими длинными конечностями только пауком и быть».

– Можешь застегивать штаны, – сказал крепыш. – Все равно у тебя сейчас ничего не получится. Узнал меня?

– Вас довольно трудно забыть, – через силу выдавил из себя Брюстер, опознав Зеленого как Энрике Бэкли и лихорадочно соображая, что в таком случае можно предпринять.

«Завалить троих хмырей голыми руками, так это просто безумие, – сказал себе Брюстер. – Но и они меня убивать прямо здесь не будут, я им нужен живой из-за этого мафиози-психопата. Так что сделать что-то можно только, когда они выведут меня отсюда».

– Ну что добегался, – добавил Энрике. – И ради чего? В конце концов, чем раньше начнется, тем быстрее закончится.

– Вам легко говорить, – сказал Макс, подавившись невесть откуда взявшейся слюной в разом пересохшем горле. – Не вам ведь яйца будут отрезать.

– Тут ты прав. Закатывай рукав, щас мы тебе укольчик сделаем, чтобы ты не шумел, а то в прошлый раз ты слишком шустрым оказался, – проговорил сзади один из бандитов, направляясь к Макс. – Не бойся, ничего с тобой не случится... пока.

«Ну, вот и все, – обреченно подумал Макс. – Ну почему я позволил уговорить себя и не дождался тогда полицейского патруля, почему?!»

Резкий звук заставил всех обернуться. Дверь кабинки с грохотом открылась и с такой же силой закрылась. В следующий момент из более спокойно открытой двери появился еще один человек и принялся орать, вытянув вперед себя пистолет:

– Руки за голову, лицом к стене, всем встать на колени!!! Быстро, мать вашу, я кому сказал!

Дальше все завертелось с невероятной быстротой. Брюстер все дальнейшие события отмечал только подсознанием, поскольку сознательно за таким круговоротом уследить было просто невозможно.

Первым, сделав шаг влево, сдвинулся крепыш, в руке он уже сжимал непонятно откуда взявшийся пистолет. Грохнул выстрел, голубая вспышка осветила замкнутое пространство, и крепыш стал падать, вытянув руки с нелепо скрюченными пальцами. В это время в стремительном рывке брызнули в разные стороны оставшиеся члены банды. В следующий миг пространство расколол строенный выстрел, и полыхнула яркая вспышка голубого света. Нежданный помощник Брюстера, как и его недавний низкорослый противник, отлетел к стене, ударившись об нее, и тело его свела судорога.

Макс Брюстер, еще мало что понимая, рванул к двери, бросился в ноги Энрике и повалил его на пол. Снова вскочил, открыл замок и буквально пулей вылетел из этого кошмарного места. Уже потом он поймет, что его спасли инстинкты и что если бы он действовал сознательно, то наверняка бы у него ничего не получилось. А сейчас он со всех ног неся прочь, опять же подсознательно отмечая, что его поезд тронется через три минуты с небольшим.

Сержант Мик Банин мучился неизвестностью. Его товарищ вошел в дверь, за ним последовали все остальные, и ничего пока не происходило. Время растянулось, как слабая резина, казалось, можно заново сотворить весь мир, пока высветится новая секундная цифра на часах.

Вдруг из распахнутой двери выскочил наблюдаемый объект, а за ним аж целых два что-то кричавших преследователя.

– Оил, Оил, ответь, Твикс! – Мик все давил и давил на кнопку вызова, но его напарник не отвечал. – Черт, неужто убили, да еще в первый же день, да еще на стажировке!

Банин выбрался из подсобного помещения и поспешил на выручку своему напарнику.

– Разойдитесь, пропустите, я из полиции! – кричал Мик, продираясь через уже собравшуюся довольно большую толпу зевак.

Но в дверном проеме его не пропускали, тогда он дал кому то кулаком в ухо, сделал подсечку другому и вошел, куда ему было нужно, не обращая внимания на крики боли.

– Оил, Оил, ты живой, – стал он тормозить Твикса. – Ну же очнись!

Банин уже определил, что его товарищ жив, но находится в бессознательном состоянии. Тогда он стал хлестать его по щекам, и вскоре это дало эффект, сержант Твикс пришел в себя.

– Хватит, ты же меня искалечишь, – прохрипел Оил, делая судорожный вздох, как после всплывтия с большой глубины. – Давай за ними, этого я сам оприходую...

– Хорошо! – согласился Мик.

На этот раз зеваки пропустили его без проблем, и Банин побежал к месту посадки объекта.

12

Стоило только Максу Брюстеру взять себя в руки, как он понял, что заблудился в развязках этажей и забежал куда-то не туда. Осмотревшись, он обнаружил, что находится в подвальном помещении. А также он вспомнил, что пока бежал, свалил с ног какого-то громилу на межэтажной площадке. Тот кинулся ему наперерез, но Макс бросился прямо на него со всего разбегу, кубарем пролетел по ступенькам, вскочил и, не чувствуя боли, побежал дальше. Теперь это падение давало о себе знать: все тело саднило, но переломов вроде не наблюдалось, хотя рука явно была вывихнута.

Брюстер посмотрел на часы, до отправления поезда оставалось две минуты. «Что ж, – подумал он, – меня, наверное, потеряли. Наверное, думают, что я спрятался на одном из этажей, и сейчас проверяют все подряд, а их всего три. Потом они придут сюда».

Проходящий мимо малочисленный персонал станции не обращал внимания на помятого человека, чем тот и пользовался. Макс Брюстер нашел висящую на стене схему эвакуации на случай непредвиденных обстоятельств, изучил ее и теперь двигался к ближайшему выходу на поверхность, который кратчайшим путем привел бы его к искомому составу. Уже поднимаясь по нужной лестнице, Брюстер заметил погоню. «Однако быстро они меня нашли», – подумал Макс и увеличил скорость подъема.

Противники настигали, и вскоре позади беглеца хлопнули выстрелы, и совсем рядом затрещали электрические разряды, наполняя воздух озоном.

Брюстер, свалив с ног нескольких человек, выскочил на площадку перрона. Посадка на поезд подходила к концу, и он метнулся напрямик к своему вагону. Сзади послышалась жуткая брань повторно сваленных людей, это была погоня.

Мик Банин сосредоточенно оглядывал площадь, на которой суетились люди. Минута паники прошла, когда он готов был провалиться сквозь землю из-за того, что потерял из виду объект наблюдения. Но теперь он тщательно просматривал мысленно поделенное на сектора пространство. Народ передвигался, что создавало неудобство, но дело худо-бедно шло.

Через полминуты Мик заметил выламывающуюся из общей картины свалку. Объект преследовали два человека, и Банин, как гончая, сорвался с места. Расталкивая встречных, он спешил наперерез настигающей жертву погоне. Когда до суматошной троицы оставалось метров тридцать, Мик крикнул:

– Всем стоять! Это полиция!

Но вместо этого двое вскинули пистолеты и выстрелили в направлении сержанта Банина. Два человека позади ушедшего в сторону Мика, дергаясь, упали на пол.

Сержант, пробиваясь сквозь панически разбежавшихся людей, стал стрелять в ответ, что также не добавило спокойствия, но на это ему было наплевать, равно как и на то, что пули его «стека» валили с ног ни в чем не повинных граждан, он был зол и стремился отомстить.

Первый магазин опустел, но во время стрельбы образовался коридор чистого пространства, и Мик увидел свою цель. Первый же выстрел сбил одного, второй угодил в стенку вагона. Последняя жертва прикрылась заложником, коих в округе было полно.

– Брось оружие, или я вышибу ему мозги, – прокричал оставшийся бандит в зеленой куртке, тыкая стволом пистолета в голову заложника. – Ты же должен знать, что с близкого расстояния даже такая игрушка может это сделать. И вообще кто ты такой?

Лишний раз Банину представляться не хотелось, особенно после того, что он здесь натворил. Вместо этого он разрядил оставшиеся восемь патронов в пятившегося преступника, а в том, что перед ним форменный преступник, он уже не сомневался.

Две пули пришлись в заложника, что было довольно опасно и могло привести к таким судорогам, которые запросто порвут мышцы или сломают кости рук. Остальные ушли мимо, никого не задев, а сам преступник скрылся в проеме между вагонами. «Ну и ладно, – решил сержант Банин, не сделав даже попытки преследования. – Главная задача выполнена, и то хорошо».

Сержант едва успел привести подстреленного в местный полицейский участок, как заметил там своего напарника с лейтенантом Колумбом.

– А где тот хмырь из туалета? – спросил Мик.

– Отпустили, – ответил лейтенант. – И этого тоже придется отпустить...

– Сэр! Но как же так?

– Ничего не поделаешь, но есть и приятная сторона, – сказал Колумб, снимая наручники с задержанного. – Я порекомендую взять вас в участок сразу с пятой степени.

– Ого! – в один голос воскликнули сержанты, сразу забыв про то, что им пришлось отпустить с таким трудом задержанных бандитов.

– Да, и это несмотря на ваши проделки, особенно твои, сержант Банин.

– Исправлюсь, сэр!

– Да уж постарайся...

Энрике Бэкли нетвердой рукой набирал столь знакомый телефонный номер своего босса. Рука плохо слушалась из-за того, что он не успел достаточно быстро ее отдернуть от заложника и потому получил ослабленный разряд. Наконец номер был набран, и он услышал вечно недовольный голос Антонио Маччини:

– Слушаю.

– Сэр, это я...

– Яйца от коня! Кто я?

– Энрике, сэр.

– Только не говори мне, что он и на этот раз ушел. Это может для тебя плохо кончиться.

– Сэр, ему кто-то помогает...

– Кто?!

– Не знаю, сэр. Они вроде бы представились полицейскими, но документов не показывали, да и оружие у них было нештатным, «стек» вместо табельного «штурмвордера», как у всех.

– Ладно, езжай ко мне на подробный доклад.

И все-то приходится делать самому. Куда идет этот поезд?

– В Ганновер, сэр. Без остановок.

– Хорошо.

13

Поезд длиной пять километров буквально летел над монорельсом. Электромагнитные подушки держали его в воздухе и двигали вперед с сумасшедшей скоростью, такой, что даже становилось больно глазам от мелькания проносившихся мимо пейзажей. Поезд хоть и именовался пассажирским, но большей частью он все же перевозил грузы.

Макс Брюстер даже не помнил, как он оказался в своем купе, события происходили так стремительно, что он не успевал за ними следить и осознавать. Кем были те люди, что два раза спасли его, полиция или конкурирующая банда? А о том, что день грядущий ему готовит, он старался не думать.

Спустя четырнадцать часов поезд остановился в пункте назначения – Ганновере, находившемся на другой стороне Альпамира относительно Франбрета.

Здесь только-только забрезжил рассвет, и Макс Брюстер решил напрямик отправиться к человеку, который должен был дать ему липовые документы.

Он вышел из такси на окраине грязного квартала. Водитель буквально вырвал деньги из рук Макса, и машина, взвизгнув покрывками, умчалась прочь, чуть не сбив переходящего дорогу старичка. Брюстер вошел в дом под номером «семнадцать», постучал в нужную дверь и стал ждать.

После минутной паузы открылось маленькое окошко, и чей-то неприветливый голос спросил:

– Чего надо?

– Мне нужен мистер Ллойд.

– Не знаю такого... – окошко с громким хлопком закрылось прямо перед носом Макса.

– Я от лейтенанта Колумба.

Чья-то рука с силой впихнула его в комнату.

– А теперь подробнее, кто ты и откуда? – спросил полный человек с явно обозначившейся лысиной.

– Меня зовут Максимилиан Брюстер, я из Франбрета. Лейтенант Колумб сказал, что здесь у некоего мистера Ллойда я получу документы, он обещал об этом позаботиться.

– Пароль?

– Ээ... Он больше ничего не сказал.

– Все в порядке, это я так шучу. Ты попал по адресу, я и есть мистер Ллойд. Посиди здесь, я сейчас все принесу. Только это не бесплатно, – предупредил он.

– Да, вот ваша сотня, – Макс достал из кармана две банкноты по пятьдесят реалов, которые тут же переключивали в руки Ллойда.

– Если тебе не жалко еще одного полтинника, то я поделюсь с тобой некоторой информацией, – сказал Ллойд, отдавая пакет клиенту.

– Ну... – промычал Макс, раздумывая над неожиданным предложением этого прохиндея. – Хорошо, вот полтинник, только я надеюсь, информация стоит того?

– Она стоит того, – подтвердил Ллойд. – Я даже действую себе в убыток, но поскольку я кое-чем обязан Колумбу, то скажу, что тебя здесь уже ищут и объявлена награда.

– То что меня ищут, я и так знаю. А вот то, что за мою голову награду объявили, это действительно интересно.

– Ты не понял. Ты попал в полицейскую картотеку, но не это самое страшное, от полиции ты мог бы бегать годами прямо у них под носом. За тобой будут охотиться все. Информация в подобной среде, – Ллойд обвел руками вокруг себя, – распространяется очень быстро. Все скоро узнают, что тебя ищет не правосудие, а Маччини, и тогда даже попрошайка сдаст тебя

за награду. Тебе здесь не спрятаться, подобная информационная система очень эффективна, можешь мне поверить.

– Что же мне делать?

– Тебе нужно было сразу литься с планеты, а теперь уже поздно, и я не знаю, что тебе можно посоветовать. Только затаиться в каком-нибудь глухом месте и не вылезать, но это сам понимаешь нереально.

– Или робинзонить в лесах.

– Долго ты там не протянешь.

– Это точно.

– Все, тебе пора идти, здесь оставаться долго тоже нельзя.

– И на том спасибо, – проронил Макс. Полученная информация обескуражила его, особенно масштабность всего происходящего. И даже сейчас ему с трудом верилось в реальность происходящего.

После ухода Брюстера Ллойд неподвижно просидел в своем кресле ровно пять минут, а потом взял в руки трубку телефона. Чтобы выжить в этом мире, ему приходилось действовать по законам этого мира, подтверждать ему свою лояльность.

– Алло, – прозвучал в трубке властный голос.

– Это Ллойд, тут такое дело...

14

День вступал в свои права, становилось светлее и теплее. А как известно, свет и тепло притупляют чувство опасности. Макс Брюстер петлял по переулкам, не зная, что предпринять и куда теперь податься. Мало-помалу ноги сами вывели его в центр города, который значительно уступал в своем великолепии столице. Оно и понятно, ведь это был всего лишь промышленный центр, хотя он и считался вторым по значимости на планете.

Уже выходя из трущоб в спальный район, он заметил на себе косой взгляд грязного мальчугана, который тут же сорвался с места и исчез в подворотне. Теперь Брюстер вел себя осторожнее и более осмотрительно, но ничего подозрительного больше заметить не удалось. Вот разве только синяя машина за углом, остановившаяся одновременно с ним. Но и тут вроде все в порядке: из нее вышли вполне приличные люди, которые отправились по своим делам.

Юсеф нервничал, его бригада никак не могла найти какого-то придурка, который, по словам его шефа, вышел из указанного здания меньше минуты назад. К интересующему месту он приехал меньше чем за три минуты, а значит, далеко этот гад уйти не мог, но его не было, и все тут.

Фургон колесил по вонючим улицам еще довольно долго, пока Юсеф не принял решения встать на прикол, дальше, до поступления дополнительной информации, ездить бессмысленно. Пока машина стояла, члены бригады решили подзаправиться, и все жевали бутерброды.

– Уу... Уррод, – просипел Лампа, зажимая пальцами нос. – Какой же ты урод!

– Хряк, еще раз пёрнешь, я тебя убью, – пообещал Юсеф, открывая окно для проветривания. Впрочем, означенный Хряк никак не отреагировал на угрозу главаря, который обещал его убить двадцать раз на дню.

– Ус, я же не нарочно, – все же стал оправдываться Хряк перед Юсефом. – Просто у меня организм такой... своеобразный.

– Я тебя предупредил, а если он у тебя своеобразный, то лечись или жри меньше.

– Кстати, Ус, что этот лох натворил, что за него такую награду объявили? – спросил, чтобы разрядить обстановку, Лампа, щелкая пальцем по приклеенной к борту машины фотографии.

– Не знаю, нам поручили его поймать, причем живым, это к тебе особенно относится, – Юсеф обернулся к Шилу, который наводил лоск на свой любимый десантный нож. – А все остальное мне неинтересно... Все заткнулись! – Юсеф приложил трубку телефона к уху. – Понял. Лампа, заводи. Едем на улицу Стермяжного, на третий переулок. Кажется, наш объект там.

– Ничего себе, куда забрался!

– Еще раз всем напоминаю, он нужен нам живым, иначе вместо награды схлопочем по самые помидоры, мало не покажется. Шило, ты понял? Шило!

– Понял...

* * *

Макс Брюстер сидел между мешками с мусором, отгородившись ими от внешнего мира. Здесь было тепло, только слабенький ветерок давал о себе знать, но и это не мешало – он отгонял легкий тухлый запах от разорванного пластикового мешка.

Идти было некуда, и что предпринять – он не знал. Тем не менее, от подозрительного места с оборванцем он отошел на несколько кварталов. «Может действительно, уйти в леса, –

подумал Макс, но тут же отбросил эту идею. – Нет, даже если я и выживу, то через полтора месяца начнутся настоящие холода, и тогда мне несдобровать. Слабоват я для этих робинзо-над».

От горестных раздумий его отвлек медленно едущий фургон синего цвета. Рука сквозь мешок сама нащупала твердый предмет, и спустя пару секунд он оказался у Макса. Этим предметом оказалась трубопроводная врезка вместе с краником на конце. «Что-то уж слишком часто я вижу эти трубы, – подумал он. – Наверное, и мне скоро „труба“ придет».

Тем временем фургон остановился на противоположной стороне дороги. Из него вышли четыре человека, разделившись на две группы, они пошли в его сторону, причем двое прямо к нему, будто видя его через черные мешки.

– Да как же вы меня нашли, сволочи! – зло прошептал Брюстер. – Наверное, тот пацан за мной следил.

Макс не стал дожидаться подозрительных субъектов, просто сорвался с места и побежал куда глаза глядят. Топот позади него подтвердил его опасения. Когда он оглянулся, то увидел, что за ним бегут уже три человека, четвертый безнадежно отстал.

Макс не помнил, когда последний раз бегал так быстро, но дома по бокам мелькали с калейдоскопической быстротой, он перебегал из одного переулка в другой, надеясь, что следующий не окажется тупиком. Когда он обернулся во второй раз, преследователей снова оказалось двое. «Хорошо! Еще один отстал, – радостно подумал Брюстер. – Плохо только, что эти двое все ближе». И тогда он заскочил в первый попавшийся подъезд, который как раз открыла какая-то старушка. С ходу раздолбав все лампочки, так что в помещении оказалось довольно темно, он прислонился к стене самой темной ниши и принялся ждать, одновременно стараясь восстановить дыхание и не сорваться на предательский кашель, который так и рвался из его груди. Скрипнула дверь, и в ее проеме показался первый преследователь.

– Выходи, парень, мы тебе ничего не сделаем... – произнес первый, проходя внутрь, поскольку его подгонял второй, тоже желавший войти.

– Выходи... – произнес второй, слепо вертя головой из стороны в сторону.

Брюстер понял, что ждать больше нельзя, никак нельзя дать им привыкнуть к темноте, и бросился вперед. В последний момент нервы его не выдержали, и он закричал, замахиваясь обрезком. Его противник заметил свою жертву, но вместо того, чтобы просто отразить неумелый удар, он выхватил пистолет.

Удар пришелся по кисти руки, державшей пистолет, и в тот же миг грохнул выстрел. Макс Брюстер без замаха врезал, не глядя, своим оружием другому противнику в область головы. Растволкав обезумевших от боли противников, он выскочил на улицу.

15

Макс не помнил, сколько он так бежал, может быть, минут пять, а может быть, всего секунд двадцать, но остановил его мощный удар в голову из-за, как ему казалось, спасительного угла, за которым его ждала свобода, хоть и временная. Из глаз снопом вылетели натуральные искры, по крайней мере, именно так Брюстер расценил вспышку в глазах.

– Я так и думал, что ты от них оторвешься. Эти сопляки только считают себя крутыми, а на самом деле простая шпана, которая даже пороху настоящего не нюхала.

– Ты кто? – хриплым голосом зачем-то спросил Макс.

– Шило. Хочешь узнать, почему меня так зовут?

– Да как-то не очень...

– А узнаешь, – сказал Шило, доставая свой нож.

Солнечный лучик весело пробежал по широкому лезвию десантного ножа. От этого блеска Брюстер вспомнил про свою трубу, оброненную им во время падения. Обрезок был и далеко, и близко одновременно – на расстоянии трех метров, но до него еще нужно было добраться.

Макс понимал, что все зависит от того, в каком настроении находится его мучитель, который за это время мог искромсать его в лапшу уже десятки раз. По всему выходило, что в хорошем, раз начал свое черное дело с разговора, первый удар не считается.

– Нет, нет, нет, даже и не думай, – Шило оттолкнул обрезок к стене дома.

– Спасите! Пожар! – закричал Брюстер.

– Умно, но это тебе не поможет.

Шило оборвал крик ударом ноги в живот, сказывалось долгое сидение без настоящей работы, а бить кого-то просто так ему было неинтересно, тем более мутузить бесчувственную грушу в спортзале, другое дело на задании, где вырабатывался настоящий адреналин. Шило схватил свою жертву за шиворот и со всего размаху двинул в челюсть, отчего тот отлетел на пару метров. Следующий удар, согнувший Макса пополам, пришелся в печень. Парню показалось, что у него в животе взорвалась ручная граната, тут же нестерпимо захотелось в туалет.

Мочиться под себя Брюстер не стал. В нем всколыхнулась злоба, и он не захотел давать своему мучителю лишнего повода для веселья.

Так Шило гонял Брюстера, пытавшегося хоть как-то защищаться, от стены одного дома к стенке другого несколько раз, превратив того в сплошной синяк, пока избиение не прервал вопрос прохожего, заглянувшего туда, куда заглядывать не стоило:

– Что тут происходит?

– Уроки уличного боя, – ответил Шило, одновременно отводя руку назад.

Нож со звоном вышел из ножен и уже через миг оказался в груди незадачливого пешехода.

– Никуда не уходи, – попросил Шило и пошел вытаскивать свой любимый нож. – Я скоро вернусь.

Брюстер с трудом разлепил наименее поврежденный глаз и увидел недалеко от себя сразу две трубы и две руки. Приложив немалые усилия, он подполз к ним. Первая попытка, равно как и последующие две, оказалась неудачной, рука натыкалась на холодный бетон. Наконец пальцы зацепили стальную трубу, и вскоре она оказалась у него за спиной.

Тем временем Шило, отерев об рубашку убитого свой клинок, поднял свою жертву на руки, несмотря на то, что она выглядела раза в два тяжелее его самого, и забросил в мусорный ящик. После чего подошел к Брюстеру.

– Ну, пожалуй, продолжим.

– Я вам вроде нужен живым, – еле разлепив губы, сказал Макс.

– Так у тебя еще и зубы целы! – удивился Шило. Брюстер и сам удивился не меньше и на всякий случай провел по ним языком, проверяя, действительно ли они целы. – Но это мы сейчас исправим.

Шило, придерживая Макса правой рукой, поставил его на ноги. И как только он занес левую руку для удара, Брюстер, собрав все оставшиеся силы, нанес колющий удар трубой. Хватка сразу ослабла, и его мучитель сделал два шага назад, недоуменно глядя то на Макса, то на трубу, торчащую из его груди, под сердцем.

Брюстер и сам находился в ступоре от увиденного – из краника толчками била кровь. Он, еле переставляя ноги, подошел к что-то невнятно хрипящему Шилу и зачем-то подставил руку под струю крови, словно желая убедиться, что из обрезка водопроводной трубы течет не вода, а именно кровь.

Волна паники охватила Макса, когда упал Шило, так и не сумевший дотянуться до своего оружия, как ни старался. Мощный выброс адреналина взвел Брюстера, как пружину, и он, словно спринтер, рванул прочь из этого кошмарного места, где только что убил человека и стал свидетелем убийства другого.

Из синего фургона вышли трое, они окружили неподвижно лежащего человека.

– Кровищи-то сколько! Интересно, что здесь произошло?

– Это уже не важно. Хряк, ты лучше скажи, что с ним делать?

– Ты лучше не разговаривай, а то напоминаешь мне мою столетнюю соседку. У нее тоже зубов нет, во сне увидишь, не проснешься. Ей уже никакие подсадки не помогают.

– Зубы не беда, новые вырастут через пару месяцев после несложной операции, а моя рука еще быстрее заживет. И хотя мы провалили задание, в целом я рад.

– Это почему же? – не понял Хряк.

– С нами больше нет этого уroda, нервировал он меня, – признался Ус. – Ну что ему приспичило играть с тем лохом, как кошке с мышкой!? Взял бы его по-тихому, так ведь нет, развлечься ему захотелось! Маньяк чертов!

– Ладно, поехали отсюда. А то лишний раз с полицией объясняться...

16

За два дня, прошедших с момента мордобоя, вздутия опали, а чтобы они исчезли быстрее, Макс пришлось делать себе компрессы из собственной мочи, поскольку в аптеке показаться было опасно. На нем, взамен изорванной, была другая одежда, стянутая с пьянчуги, свалившегося ночью рядом с мусорной кучей, где Макс ночевал.

Брюстер быстро шел по улице в другой конец города, сидеть в течение трех дней на одном месте было небезопасно. Прохожие обходили его стороной, особенно в центральной части города, где он очень уж не соответствовал общей картине. На окраине Ганновера таких, как он, было полно.

Патрульная машина, выехавшая из-за поворота, заставила Макса ткнуться в ближайшую дверь, которая, к счастью для него, оказалась открытой.

Документы были хоть и фальшивые, но простой досмотр патруля, как его уверяли, выдержали бы без особых проблем. Но из-за такой помятой морды, да еще в элитной части города, его вполне могли забрать с собой в участок, а там бы все раскрылось в два счета. Чем все могло закончиться, Макс хорошо себе представлял.

Брюстер оглянулся, чтобы посмотреть, куда он попал. На стене висел огромный плакат, на переднем плане которого стоял солдат, одетый в глухую броню штурмовика, с автоматом наперевес, но без шлема и с устремленным куда-то вдаль суровым взглядом. Над ним в углу был изображен истребитель, явно заходящий в атаку, с подвески которого уже сходила ракета, а внизу стояла надпись: «Работа для настоящих мужчин».

«Надо же! Вербовочный пункт, – подумал Брюстер. – А с другой стороны, что мне остается? В лучшем случае еще один месяц свободы, а потом рано или поздно они меня достанут, как пить дать, достанут. Так что – это судьба».

И Брюстер пересек пустой зал, решительно толкнув единственную дверь, находившуюся под плакатом.

– Добро пожаловать, меня зовут полковник Барнаби.

– Здравствуйтесь, сэр.

– Присаживайтесь, – полковник показал на кресло перед своим столом. – Или вы ошиблись дверью?

– Нет, сэр, я решил записаться на службу.

– Тогда ты пришел по адресу, – полковник выхватил из стола электронный планшет и шлепнул его прямо перед Максом. – Вот первичный контракт, но предупреждаю, он на три года, и исполнение его обязательно. Нарушение ведет к уголовной ответственности, со сроком заключения до семи лет. Есть только три пути избежать тюрьмы: выполнить контракт, стать инвалидом или умереть.

– Я понял.

– Тогда ставь свое имя и подпись. И еще, в какую армию ты хочешь записаться?

– Если можно, сэр, об этом поподробнее.

– Хорошо, я расскажу, тем более, что времени у меня хоть отбавляй, – признался Барнаби, отметив, что это всего второй за целую неделю. Но выглядел он так, будто по нему проехал грузовик. «А с другой стороны, мне-то какая разница, – подумал он. – Мне, главное, побольше народу записать».

– Так вот, сейчас имеется только два варианта, для которых я набираю солдат. Всего их около восьми... Первый, – продолжил полковник, подняв вверх указательный палец, – Торговая Федерация против айманцев, с пятьюстами монетами жалования в месяц плюс боевые с прочими надбавками за выслугу лет. Второй вариант – Союз Трех Миров, но это на другом конце освоенного мира, за чертову уйму световых лет отсюда. Там придется воевать за оринк-

цев против чокнутых мамлюков, не признающих никаких правил. Там, в отличие от первой ситуации, идет противоборство на государственном уровне, но и зарплата в полторы тысячи кредитов, опять же надбавки. Если выживешь в течение трех лет, будешь настоящим богачом... Твое решение?

– Торговая Федерация, сэр, – ответил Макс, поставив размашистую подпись, и оставил отпечаток пальца с образцом ДНК, окончательно отделивший его от прежней размеренной жизни.

– Поздравляю, – полковник выхватил контракт. – С этого момента ты считаешься солдатом Торговой Федерации. Теперь ты настоящий пес войны.

– Спасибо. И еще...

– Я понял. Вылет завтра утром в восемь ноль-ноль гражданским рейсом до Канна-кая, оттуда уже непосредственно в учебный центр. До этого времени можешь остаться здесь. Помойся, побрейся и все такое... сержант на втором этаже выдаст все необходимое. Желаю удачи.

– Спасибо...

17

Каннакай оказался одной из тех планет, что принадлежали к буферной, или пограничной, зоне, которая отделяла государственные образования, входящие в состав Северного Союза. На таких планетах позволялось селиться всем, по меньшей мере, половина из которых являлась асоциальными элементами, сосланными сюда по приговору суда после отбывания заключения за тяжкие преступления. Сюда же бежали те, до кого не успела дотянуться рука правосудия.

– Ну что, пойдём, что ли? – не то спросил, не то предложил спутник Макса по имени Кастор.

Кастор Мешко также записался в наемники, поскольку у него был «волчий билет», не позволявший получить хоть сколько-нибудь нормальную работу, а преступником он становиться не хотел по определению. А все случилось из-за того, что он по глупости доложил начальнику хозяйственного склада о случаях хищения, уже потом он узнал, что вором был сам начальник. Его уволили по ложному обвинению, будто бы он сам является этим самым вором, и выдали соответствующую характеристику, закрывшую перед ним все дороги, и вот он здесь.

Чему из этого можно было верить, Брюстер не знал, и особенного желания разбираться в перипетии чужой судьбы ему не хотелось. Все могло быть именно так, как он рассказал, а могло быть в точности наоборот. Но, сравнив рассказ с собственным жизненным опытом, он готов был поверить ему, ведь чего на свете только не бывает.

Свою историю он не рассказал, несмотря на настойчивые просьбы своего попутчика.

Поначалу Максу была подозрительна такая откровенность, но потом он понял, что перед ним просто болтун, чей язык его и сгубил. За недельный перелет он прожужжал ему все уши.

– Пойдем, – согласился Макс. – Только куда идти-то? Кругом одна пустыня.

– А тут недалеко, всего в двух километрах отсюда, судя по проспекту, что мне выдал сержант, находится сборный пункт.

– А почему мне карту не выдали?

– Наверное, забыли...

– А если мы сбежим? – как бы между прочим поинтересовался Брюстер, уже подходя к базе. – С нами же провожатых нет.

– И долго ты протянешь без денег и документов в незнакомом месте? А если поймают, так еще и в тюрьму сядешь.

– Об этом я не подумал.

– То-то и оно, у них тут все продумано...

– База сто три дробь двадцать четыре, – прочитал Макс на вывеске над огромными раздвижными воротами, в которые их пропустили без лишних разговоров по предъявлении жетонов. – Что-то мне уже погано стало.

– Местечко действительно не очень...

Огромный плац окружали постройки, больше похожие на ангары, которые ими и были, пока их не переделали под временные казармы. На пыльном плацу находилось огромное количество народу, представителей разных рас. Немногие счастливики сидели в тени, кто-то бесцельно бродил из конца в конец, где-то гоняли мяч или просто курили, ожидая неизвестно чего.

– Новенькие?

От неожиданности Макс даже отскочил в сторону, застыв с открытым ртом. Перед ним стоял громила в чине капрала. Видя затруднение своего приятеля, Кастор ответил:

– Так точно!

– Не ори, – поморщился капрал. – Еще неизвестно, сколько вам ждать покупателей, так что ваше место в пятой казарме, места сто три и сто четыре. Всем все ясно? Может повторить?

– Да нет, не надо, сэр, мы понятливые.

– Что значит «покупатель»? – спросил у Кастора Макс, когда отошел капрал. Мешко еще не успел открыть рта, как сзади прозвучало:

– А то и значит, приедут высокие чины и начнут отбирать себе наиболее пригодное, по их мнению, пушечное мясо.

Приятели обернулись, говорящим оказался здоровяк с отсутствующим ухом и перебитым носом, из-за чего он производил впечатление уголовника.

– Меня зовут Стюарт Эстевес.

– Очень приятно, – отозвался Кастор и протянул свою руку. – Кастор Мешко, а это мой друг Макс Брюстер.

– Классно тебя отделали, – сказал Стюарт, пожав руки. – Тут у тебя красное с коричневым, здесь синее, а тут вообще непонятного цвета. – Стюарт потыкал пальцем в лицо Брюстера, впрочем, не задевая его.

– С лестницы упал, – нехотя ответил Макс. И чтобы отвести интерес от своей личности, спросил: – За кого воюем? В смысле, что представляет собой Торговая Федерация? Как я вижу, ты более продвинутый в информационном плане. И против кого мы собственно будем воевать?

– Что ж можно и поболтать, – согласился ответить Стюарт. – Торговая Федерация – это союз примерно тысячи крупных корпораций. Здесь и геологоразведчики, и добывающие, перерабатывающие компании, и оптовые перекупщики, отправляющие товар уже в розничную торговлю, и даже несколько военных поставщиков, гонящих свою продукцию прямо на фронт по демпинговым ценам в счет будущих прибылей. И это не считая тысяч смежных предприятий, напрямую работающих на добытом сырье...

– И кто нам будет противостоять?

– Айманы. А точнее одно из их суверенных государств. Вы же ведь знаете, что после распада Арабской конфедерации они снова раздробились на более мелкие государства, какими и были до вступления в нее. Против одной из таких республик мы и будем воевать за звездное скопление с тремя десятками звезд, получившее общее название «Красный кентавр».

– Надо же! – удивился Брюстер. – Тысяча коммерческих предприятий против целого государства!

– Нужно еще сказать, что, по некоторым данным, за Айман, так называется эта республика, незримо выступают сами арабейцы, поставляя тем новейшие технологии и предоставляя военных советников.

– А они там с какого боку? – спросил Кастор. – Я где-то слышал, что арабейцы с юанями не принимают участия в торговых войнах, считая их ниже своего достоинства.

– Это так, но у арабейцев напряженка с ресурсами, и им волей-неволей приходится крутиться, чтобы выжить. Те же проблемы и у юаниан, несколько десятков их предприятий напрямую участвуют в Торговой Федерации и с пару сотен находится под их полным контролем, через подставных лиц. По крайней мере, таковы упорно бродящие слухи, а, как известно, нет дыма без огня... Но ничего противозаконного здесь нет.

– Вот и получается, что война империй продолжается, только на другом уровне, – глубококоммысленно заметил Кастор.

– Слушайте, мы тут уже несколько часов, а солнце до сих пор находится в зените! – возмутился Макс. – Я сейчас в запеканку превращусь.

– Это потому, что сутки здесь длятся более семидесяти часов.

– А ты здесь сколько?

– Три местных дня. А кто-то еще больше...

– Кошмар! И все на солнцепеке! Может, тогда в казарму пойдем?

– Не советую, там еще хуже. Никакие кондиционеры не справляются с тамашней духотой и вонью. Здесь хоть иногда ветерок дует...

18

Двадцать с лишним шаттлов, подняв в воздух здоровенную тучу песка, с ревом приземлились на отдельной площадке за стеной базы. Вышедшие из кораблей военные чины, по всей видимости, были здесь не в первый раз, поскольку чувствовали себя уверенно и без помощи провожатых добрались до главного здания, в былые, более счастливые для себя времена, служившего диспетчерским пунктом, принимавшим и отправлявшим грузовые и пассажирские корабли.

Между собой они так же были знакомы, поскольку перездоровались достаточно быстро. Кто-то тепло, а кто-то не очень, что объяснялось их соперничеством в «покупке» новобранцев. Всем хотелось заполучить лучших солдат, но существовала определенная очередность, определяющая, кто за кем мог набирать себе наемников.

– Ну что, начнем, пожалуй, – сказал полковник связи Кауман Бинке, быстрее остальных просмотрев интересующие его личные дела будущих солдат. Его безобидное по названию ведомство кроме связи занималось компьютерным взломом вражеских программ защиты. Толковых специалистов было до слез мало, чем и объяснялась скорость обработки им файлов.

– Постой! – хором ответили еще двое, сидевших за своими терминалами. У них работы было не в пример больше.

Майор Учхе представлял инженерно-технические войска, а проще говоря, набирал себе механиков и танкистов для гусеничных и колесных машин, а также будущих ракетчиков и зенитчиков. Словом, всех, кто годился для такой работы.

Полковник Эвтор отмечал для себя тех, кто имел отношение к летающей технике, и действующих летчиков для крылатых машин и вертолетов. Пусть они имеют лишь начальные навыки, но обучить их будет гораздо проще, чем тех, кого просто слепо можно выдернуть из строя. Особенно он радовался, когда удавалось найти уволенных пилотов транспортных компаний, для таких летчиков переподготовка занимает не больше месяца, что сейчас особенно важно, ведь на фронтах откат.

И только трое не принимали участия в таком кропотливом отборе кадров, поскольку это заняло бы чересчур много времени, ведь на них приходилось до восьмидесяти процентов новобранцев. Да и не нужен им был такой отбор.

Майор Генджо с полковником Ниреном представляли штурмовые подразделения, своеобразные войсковые спецназы различных направлений и десантные войска. Майору Ризену выбирать никого не приходилось. Ему предстояло забрать всех остальных, которые не подойдут для так называемых элитных войск. Он был линейным пехотинцем.

Наконец освободились первые двое и подошли к остальным, стоявшим у большого окна и разглядывавшим площадь перед ними.

– Даа... – протянул полковник Эвтор. – Контингент год от года становится все хуже и хуже. Все тупее и дохлее.

– Ну, это, смотря с какой стороны посмотреть, – не согласился Учхе.

– Да ладно вам трепаться, пойдем уже забирать это отребье, – махнул рукой Генджо.

– Подождите, – остановил всех майор Ризен. – Я совсем забыл об одном деле.

При этом Ризен достал из своей барсетки миниатюрную камеру и стал снимать всех тех, кто находился на плацу. Сначала общим, а затем и крупным планом, стараясь заснять лица объединившихся в группы.

– Ризен, вечно у тебя какие-то закидоны, – проворчал полковник Бинке. – Зачем тебе это?

– Вам хорошо, вы отберете себе лучших, и все дела, а мне нужно сделать из оставшихся доходяг хороших солдат, понимающих друг друга с полуслова, – пояснял Ризен, одновременно

продолжая вести съемку. Остальные наблюдали за ним с интересом. – Видите, они уже объединились в какие-то группы, кучкуются, что-то делают вместе. В большинстве случаев знакомятся психологически совместимые субъекты, значит, если их поставить в одну команду, из них получится полноценная боевая группа с уже определенным неформальным лидером.

– Ну, ты прям профессор какой-то, – не то восхищенно, не то насмешливо сказал полковник Бинке. – Как ты до такого вообще додумался-то?

– Да так, в отпуске. Навестить сестру приехал, а у нее из литературы только труды по психологии, психолог она по профессии. Делать было нечего, и я взял из стопки самую тоненькую книжечку, одолел всего двадцать страниц из ста пятидесяти, потом бросил это дело. Короче, еле дотянул до конца срока пребывания... Ну вот, я закончил, – майор убрал видеокамеру обратно.

– Тогда пойдемте, время не ждет.

19

После обеда всю базу замело песком, поднятым прилетевшими шаттлами разной грузоподъемности, от совсем легких «Раббитов» до тяжелых транспортов «Элепхант».

Спустя несколько часов всех построили на плацу, и бойкие капралы с сержантами разделили непонятливых новобранцев на шесть стройных шеренг по триста единиц личного состава в каждой, так, чтобы между шеренгами мог спокойно пройти особо придирчивый офицер.

Наконец, через пять минут после того, как всех построили, на помост, переговариваясь между собой, поднялись пять армейских начальников в легко различимой форме.

– Ну вот, это и есть наши покупатели, – просветил своих новых приятелей Стюарт.

– Мы уже догадались, – обронил Кастор.

– Поаккуратней! Ты же мне чуть ногу не отдал, – возмутился Брюстер, отталкивая от себя какого-то тщедушного человека, подумав, что такому уж где-где, а здесь точно не место.

– Извини.

– Итак, – зазвучал с трибуны усиленный динамиком голос. – Меня зовут полковник Бинке, я представляю войска связи. Всех, кого я назову, прошу выйти из строя на красную линию, она прямо перед вами. Ульям Пирсон...

Полковник называл фамилии, и будущие связисты-хакеры выходили из строя навстречу своей судьбе, хотя им предстояло заниматься тем же, чем они занимались раньше, только теперь в военной форме. Выборку он закончил достаточно быстро, и на красной линии стояли двадцать теперь уже бойцов невидимого фронта.

– Зарплата у нас, в отличие от остальных частей, твердая, без всяких там боевых и прочих надбавок, кроме оплаты за классность и выслугу лет, – продолжил Бинке. – Но вы будете в тепле и сытости, с чистым сортиром и гарантированным душем, чего зачастую не будет у остальных. Если вы не сломаете себе шею, по пьянке упав с лестницы, то вернетесь домой целыми и невредимыми. Теперь из строя могут выйти те, кто считает себя, по меньшей мере, классным специалистом. Я мог кого-то упустить при просмотре ваших личных дел. Неважно, хакер ты или «правильный» программист, требуются и те, и другие. Но предупреждаю, если выяснится, что вы недостаточно хороши, то вас отправят прямо на передовую, конечно, после подготовки, но ускоренной... Для тех, кто уже стоит на линии, есть последний шанс передумать и попробовать себя в другом качестве.

На линию вышли еще пятеро. Сосед Макса, отдавивший ему ногу, тоже дернулся вперед, но потом передумал и вернулся обратно в строй. Из первого набора обратно в строй никто вернуться не пожелал.

– Отлично. Сержант, командуйте.

– Есть, сэр! – сержант подошел к «купленным» новобранцам и скомандовал: – Напрааво! Шагоом марш!

Полковника Бинке сменил другой, по фамилии Эвтор. Его в свою очередь сменил майор Учхе. Из строя все выходили и выходили названные люди. Их тоже уводили сержанты, и, наконец, в небо стартовали первые шаттлы. Строй за это время основательно поредел, но по-прежнему был полон. Снова пробежали сержанты с криками: «Сомкнуть ряды, выровнять шеренги!»

– А теперь будут набирать стопроцентное пушечное мясо, – снова поделился своими невеселыми познаниями Стюарт Эстевес.

– Меня зовут майор Генджо, – обратился к строю следующий «покупатель». – Я буду набирать из вас элитные части, зарплата соответствующая. Под элитными войсками понимаются: войсковой спецназ, абордажные команды, фронтовая разведка, диверсанты, боевые

пловцы и так далее. Если кто-то не пожелает служить в названных частях, пусть говорит об этом сразу, если я его выберу.

Майор Генджо спустился с трибуны и отправился вдоль рядов, внимательно осматривая каждого претендента с ног до головы. Иногда он щупал мышцы кому-то в строю и, если считал, что тот подходит, бил его в грудь и говорил: «Ты».

Так он прошел все шеренги, выбрав из них около двухсот претендентов, отдавая предпочтение крепким парням, не обязательно высоким, что объяснялось спецификой выбранной для них профессии, но обязательно жилистым, без лишней показушной мускулатуры, как в дешевом кино про супергероев. Тем не менее, майор Генджо прошел мимо Стюарта Эстевеса, даже не взглянув на него, хотя Макс считал его здоровяком.

Спецназовцы ушли, никто из них не отказался служить в спецвойсках. И на трибуну поднялся столь же немногословный полковник Нирен. Он также прошелся вдоль рядов и выбрал себе четыреста с лишним десантников. На этот раз Стюартом заинтересовались, но полковник выразил какое-то недовольство, и тот остался в строю.

– Ну что, сынки, – устало произнес майор Ризен после трехчасового отбора кадров предыдущими офицерами. – Пойдем грузиться на мои корабли. Поскольку это ваш последний день гражданской жизни, то можно не в ногу.

И оставшиеся толпой поплелись к «Элепхантам». Аккуратные сварные швы на бортах этих машин говорили, что когда-то здесь находились пушки, чтобы отстреливаться от назойливых истребителей, а значит, эти корабли уже успели повоевать и теперь повезут на войну других.

Места хватило всем, даже пустые сиденья остались. Вскоре корабль натужно взревел двигателями и, тяжело оторвавшись от земли, полетел на орбиту, где его уже ждал транспортный корабль, который и должен был отвезти новобранцев в учебный центр. А потом, быть может, и к первому месту боя. Где он будет, еще никто не знал, но то что он будет, ни у кого не вызвало сомнений.

20

Форт-Слейв, учебный центр на планете Хокин, мало чем отличался от сборного пункта на Каннакае. Только постройки были добротнее, и можно было не сомневаться, что кондиционер там работает как надо, да на всей территории было полно всяких устройств и сооружений непонятного назначения.

– Выходите, всем выйти из челнока, – загремел громкоговоритель голосом капрала, который за время перелета всех достал своими поучениями. И все, кто еще был внутри, посыпались наружу.

– Опять жара! – не выдержал Макс.

– Жара жаре рознь, – заметил Кастор. – Видишь, травка растет, значит, температура вполне приемлема. К тому же ты только что с корабля с его искусственным климатом. Скоро оклемаешься, вот только солнце мне здесь не нравится.

– А что с ним не так?

– Красное оно... умирает...

– Всем построиться! Не толпиться, быстро!

– Этого Цимберца убить мало, – заметил Стюарт.

– Что-то еще будет, – понуро добавил Брюстер.

И снова умелые сержанты с капралами построили вновь прибывших на плацу, особо строптивых подгоняли пинками. Делали они это без злобы, просто привыкли ко всему и старались делать свою работу хорошо.

Новобранцев оказалась ровно тысяча, и их разбили на десять рот. Перед ними прошелся очередной сержант.

– Поздравляю вас, стадо баранов, – начал он свою речь. – Вы сделали первый шаг к тому, чтобы стать настоящими мужчинами. Меня зовут сержант-инструктор Удостон. На ближайшие три месяца, а именно столько продлится ваша подготовка, я стану вашим отцом, матерью и старшим братом в одном лице. Вы третья рота, соответственно у вас третья казарма. Сейчас вы все отправитесь на помывку, потом на раздачу комплектов формы. На все – про все у вас один час, через час я жду вас всех на этом самом месте и советую не опаздывать... Капрал, проводи этот сброд в баню.

Баней оказался простой ангар, куда их всех загнали, кого надо постригли, а кому надо отстригли не в меру большие ногти, отращиваемые последователями придурковатой моды на нескольких планетах. Потом всех заставили снять всю одежду и стали щедро поливать из пожарного шланга. Вместо воды из него било какое-то моечное средство, и все стали дружно растираться, стараясь, чтобы состав не попал в глаза, уж больно он едким оказался. Через пару минут помывки ударила чистая вода для ополаскивания.

– Так, теперь все за мной для получения обмундирования, – позвал за собой капрал.

Он отвел их в соседний ангар, где хозяйничал другой капрал с подчиненными рядовыми. Перед ними лежало несколько стопок формы и обуви, выдаваемых в соответствии с комплектацией. Так же обстояло дело и с обувью.

– Так, солдатики, получаете форму у меня, берете иголки, пришиваете свои бирки, не забудьте перед этим написать на них свое имя вот таким карандашом. Карандаш потом вернуть! Потом подойти вон туда, и вам дадут свинцовые накладки.

Форма оказалось немного великовата, но Макс решил не обращать на это внимания, зато сапоги оказались в самый раз.

– Встань на весы, – приказал солдат, и когда Макс встал, еще и измерил его рост. После чего сказал. – Таак, восемьдесят кило, рост – метр семьдесят пять...

– Не может быть, – возмутился Брюстер. – От силы семьдесят три килограмма! Я ж два месяца назад взвешивался!..

– А мне по фигу, сколько ты вешишь, у меня точные весы, – солдат ненадолго отвлекся и ввел данные в компьютер. – Номер пять. Иди к раздаче.

Макс подошел к стойке, на которую кивнул солдат. Другой военнослужащий передал Максу грузы.

– Вон инструкция по применению. Следующий...

Инструкцией оказался наглядный настенный плакат, показывающий, что и куда именно нужно крепить. Брюстер наложил на ноги и руки тяжелые накладки и, вдобавок ко всему, надел наплечный жилет, сделав все, как было показано на картинке.

– Подохнуть можно, – простонал Кастор, который также мучился с грузами. – И на кой хрен все это нужно?

Макс ничего не ответил, он прислушивался к своим ощущениям. Казалось, что если сделаешь шаг, то непременно грохнешься о землю со всего маху. Грузила утяжелили Брюстера на десять килограммов, и было крайне необычно чувствовать, как изменился центр тяжести, а стоять стало можно только прямо и никак иначе. По-другому стоять просто не получалось, сразу же клонило вниз. Кто-то с непривычки уже упал, вызвав у остальных бурю смеха.

Через час, когда все оделись как положено, они опять построились на плацу, где их уже ждал сержант Удостон.

– Ну вот, теперь на вас можно посмотреть нормально, а то я, как увидел вас, так чуть не сбил вас. Что ж, все уладились, опоздавших вроде нет. Вы, наверное, думаете для чего вам эти тяжести? Отвечу: они для вашей общефизической подготовки, чтобы лишний раз в тренажерный зал не ходить и довести всех вас до общесреднего уровня. Будете получать физическую нагрузку от любого своего движения. Вообще-то, раньше подобные базы располагались на планетах с повышенной силой тяжести, но из-за чертовых «законников» из всяких там правых обществ их перенесли на нормальные планеты... Итак, грузы не снимать от подъема до отбоя. Как я уже сказал, первые две недели будут просто курортом с общефизической подготовкой и теоретическими занятиями. Теперь идите ужинать, после чего через тридцать минут, пожалуй, немного пробежимся – и будете отдыхать.

21

Две недели тянулись, как резиновые, но и они не могли длиться бесконечно. Всему рано или поздно приходит конец, хорошее оно или плохое. Вот и эти две недели подошли к концу. За это время курсанты, как их еще называли сержанты, занимались спортом, заключавшимся в простых пробежках. Круги, которые они нарезали, день ото дня становились все длиннее и частично (каждый раз все больше) переносились на пересеченную местность.

Вот и сейчас третья рота наматывала пятый, двухкилометровый, круг из десяти. Сто курсантов были поделены на взводы, по двадцать человек в каждом. Другие девять рот занимались на различных видах тренажеров.

– Щас подохну, – просипел обильно вспотевший Кастор, когда рота перешла на шаг, иначе такую дистанцию в сплошном марш-броске никому было не выдержать. Ему было сложнее остальных из-за плохо сходившего избыточного веса, а в последнее время ему было особенно плохо.

– Держись, – подбодрил его Стюарт, бежавший без видимых усилий.

– Все хочу спросить, – разлепив ссохшиеся губы, произнес Брюстер, – ты вообще когда-нибудь устаешь?

– Почему не устаю, устаю... просто я стараюсь не показывать этого.

– Я понял, он капралом хочет стать... – озвучил свою догадку Мешко.

– Ну и что с того. И потом, когда вы бежите, то постоянно думаете: «Когда же все это закончится!», я прав?

– Угу, – выдохнул Макс. – А ты о чем думаешь? Не о бабах же... или о них?

– Я вообще стараюсь ни о чем не думать. Просто про себя напеваю несложную ритмичную песенку, вводя себя в некое подобие транса...

– Так что ж ты, морда смуглая, раньше об этом не мог сказать?

– Так вы меня и не спрашивали, – пожал плечами, ответил Стюарт. Он уже давно не обижался на подобные высказывания, так как это не всегда означало оскорбление. Впрочем, тут были свои нюансы...

Все замолчали, и колонна снова пустилась в бег.

Брюстер не верил, что он сможет столько пробежать, да еще с такими свинцовыми накладками, однако же бежал. «Тут явно не обошлось без „химии“, – подумал он. – Ну и пусть, лишь бы по известному органу не сильно било...»

– Что ж, у тебя есть шанс забить дополнительный гвоздик в свою карьерную лестницу, – сказал Макс на бегу, что сильно сбивало дыхание.

– Ты о чем?

– Вон видишь, на повороте кто-то лежит без сил, если дотащим, глядишь, и оценят сей героический поступок.

– Не советую, – тихо произнес Кастор, но так, что его никто не услышал.

– Круги еще резать и резать, – напомнил Эстевес. – Ты сам-то доползешь?

– Попробую...

– Ну, тогда давай.

Эстевес с Брюстером подхватили лежащего в пыли человека, при этом Макс закинул одну руку себе на шею, а Стюарт, из-за своего роста, подхватил вторую под мышку. Тут же подбежал сержант-инструктор Удостон.

– Бросьте этого поганца. Мы не армия спасения, и если кто-то не может продолжать бой, его следует бросить. Вам ясно?

– Так точно, сэр! – хором ответили Макс со Стюартом, но «доходягу» не бросили.

– Так почему не бросаете? Рядовой Эстевес!

- Ээ... Мы несем его в качестве ээ...
- В качестве последнего щита, сэр, – пришел на выручку Брюстер.
- Какого еще щита, солдат?
- Последнего, сэр! Чтобы в случае отступления или при обнаружении засады он прикрыл остальных ценою своей собственной жизни и дал уйти остальной группе, сэр.
- Самый умный?
- Никак нет, сэр!
- Ну-ну... – многообещающе проронил сержант и оставил их в покое.
- Не нравится мне его нуканье, – понуро проронил Кастор, который немного пришел в себя, вероятно, испробовав методику Эстевеса. – Ох, не нравится...
- Да ладно тебе... – отмахнулся Макс, – слышь доходяга, тебя как звать-то?
- Бе... Бертрольд Риверс... Можно просто Берт.
- Стоп, я тебя узнал, это ты мне ноги отдал тогда, топтун. И что тебе дома не сиделось?
- Да какая теперь разница?...
- Ну, тогда чего в программисты-хакеры не пошел? Ты же хакер?
- Хакер, – признался Бертрольд. – Только я недостаточно хорош.
- Да ну? – не поверил Макс. – Хакер, он и в известном месте хакер.
- Так да не совсем так. Вот вы смогли бы взломать, ну, предположим, хотя бы систему какого-нибудь... э-э-э... возьмем гостиницу?
- Нет, это вряд ли, – признался Макс Брюстер и переадресовал вопрос своим приятелям:
- А вы как?
- Никак, – ответил Кастор. – У меня вообще как в анекдоте...
- Об анекдоте пришлось на время забыть, снова начался период бега, и все почли за лучшее замолчать. К тому же рядом пробежал сержант, сверкнув глазами.
- Ну, так что там с анекдотом? – спросил Макс, когда вновь начался долгожданный период ходьбы. – Рассказывай.
- А, ну встречаются как-то два приятеля, и один у другого спрашивает: «Как ты с компьютером общаешься, еще на ВЫ или уже на ТЫ?» А тот отвечает: «Я с ним на ТВОЮ МАТЬ!»
- Аналогично, – ответил Стюарт на невысказанный Брюстером вопрос.
- Ну, так вот, а мне это, как семечки, – продолжил Бертрольд. – Теперь видите, какая разница между мной и вами в этом отношении? Точно такая же разница между мной и теми, кого берут в связисты. Зачем им доводить меня до кондиции, тратить деньги на обучение, когда можно сразу принять на работу готовых специалистов.
- Понятно...
- И еще. Спасибо, что подобрали, – добавил Риверс. – Еще одного истязания сержанта я бы не выдержал.
- Да ладно...
- Взвод, в котором бежал Макс Брюстер, пришел к финишу последним. Сержант Удостон, обычно отчитывающий прибывших в хвосте, ничего не сказал. Из чего Макс сделал вывод, что тот готовит для них особо каверзную подлянку.
- Ну что ж, сдохших нет, можете идти на теоретический курс. Сегодня он будет для вас последним.
- И чего нам могут рассказать нового? – удивился Кастор, когда все пошли на занятия.
- И действительно, ничего нового там не рассказали, но как любил говаривать преподаватель: «Повторение – мать учения». В запасе у него было еще много разных поговорок, которыми он блистал при каждом удобном случае.
- На теоретических занятиях рассказывали, в основном, как можно быстрее и эффективнее убить своего противника. Для этого нужно было запомнить некоторые анатомические подробности строения человеческого тела.

Кроме того, в курс входили навыки выживания в различных биологических зонах, объяснялось, чем можно питаться, а кого лучше не трогать, случись что... По этому поводу преподаватель говорил: «Вы должны стать варварами. Потому как варвар умирает последним, ибо для него не существует внештатных и экстремальных условий. Для него они все штатные и обыденные. Жри, солдат, она богата столь ценными для организма белками». Эту фразу он сказал, когда по ладони Брюстера ползла бледная студенистая личинка, толщиной в большой палец, которую нужно было съесть, а Макс никак не мог заставить себя это сделать. В конце концов, личинка была проглочена, но чувствовал он себя после этого не слишком комфортно. Рвотные позывы продолжались минут пять, но все обошлось.

Впрочем, основные премудрости выживания придется испытывать в реальных условиях. И это не могло не радовать, ведь вполне вероятно, что многого из того, чему их учили, делать не придется.

22

Утро нового дня ничем не отличалось от предыдущего. Тот же громогласный крик дежурного: «Рота, подъем!», от которого все вскакивали как ужаленные, поскольку никто не хотел испытывать на себе новые виды наказания, придумываемые самим сержантом-инструктором Удостоном. А фантазия была у него богатая, еще никто не помнил, чтобы он хоть раз повторился, хотя случаев применить свою изобретательность у него было предостаточно.

– Что за дерьмо?! – раздался непонимающий возглас Мешко, сопровождаемый тяжелыми придыханиями.

– Что случилось, Кастор? – поинтересовался Брюстер, напяливая на себя грузы поверх формы.

– Не пойму, то ли я совсем ослаб, то ли грузы стали тяжелее на порядок...

– Действительно, – пробасил Стюарт. – Гораздо тяжелее.

– Может, у всех так, – произнес Макс, уже все понимая, у него они тоже потяжелели килограммов на пять, что серьезно скажется на его результативности по сравнению с остальными. И обращаясь к соседнему сослуживцу из пятого взвода, спросил: – Принстер, у вас накладки потяжелели?

– Нет, – ответил тот, пожав плечами, – какими были, такими и остались.

– И у меня прежними остались, – признался Бертрольд.

– Как же он умудрился, а?! – воскликнул Кастор, имея в виду сержанта Удостона. – Ведь даже инвентарные номера прежними остались, не придерешься даже.

– Всем строиться! – прокричал дежурный, и все поспешили наружу, на ходу подтягивая последние ремешки.

– Итак... ах да, – притворно вспомнил Удостон. – Рядовой Риверс.

– Я!

– Ты переводишься в четвертый взвод.

– Есть, сэр!

– Рядовой Рендалл, вы соответственно переходите из четвертого взвода в третий.

– Есть, сэр!

– Итак, – продолжил сержант Удостон, когда перевод состоялся, – сейчас вы все пойдете получать свое оружие. Это армейский «СПУР 500», или, как его еще называют, «спрут». Хороший безотказный автомат на пятьдесят патронов в таком вот «баночном» рожке. Не боится ни воды, ни песка, но советую держать его в чистоте и порядке, а также постоянно смазывать. Ибо именно с этим автоматом, с тем, который вам сейчас выдадут, вы пойдете в свой первый бой. За оставшееся время вы должны сродниться с ним, научиться чувствовать его, как самого себя, и даже лучше. А теперь за мной на склад. Направо, шагом марш.

После того, как все получили свои автоматы, сержант наглядно показал его возможности. «Спрут» в руках Удостона производил впечатление абсолютно послушного, но злобного зверька, плевавшего смертью. Когда все мишени на стрельбище были поражены с ювелирной точностью, Удостон столь же метко положил в каждую мишень по одной гранате из своего пятизарядного, тридцатимиллиметрового подствольного гранатомета, окончательно разметав их в труху. После чего сержант сказал:

– Можете идти завтракать, и через тридцать минут я жду вас на этом самом месте. Капрал, командуй...

Завтрак прошел спокойно, чувствовалось небольшое возбуждение от скорой первой стрельбы, вот только ложку до рта было донести труднее обычного. И снова Брюстер отметил еле уловимую горечь пищи, окончательно убедившую Макса в наличии в ней транквилизато-

ров. «К тому же, – отметил он, – у меня для нормального развития слишком быстро увеличилась мускулатура».

Стрелять из автомата действительно было приятно, еще и оттого, что именно ты управляешь этой разрушительной силой, становясь своего рода повелителем мира, ощущая в этот момент в себе безграничную силу. Кажется, будто сейчас ты способен на все и можешь один справиться со всеми врагами, на которых тебе укажут, раздавить их, как тараканов и прочих паразитов.

Наконец прозвучал завершающий аккорд, пять гранат с гулкими хлопками покинули подствольник, и одна-таки угодила в мишень, разорвав ее в щепу. Остальные четыре подняли высокие фонтанчики земли.

Макс Брюстер по этому поводу не сильно расстроился. Его результат был не лучше, но и не хуже, чем у остальных. По крайней мере, прошедший рядом сержант ничего не сказал, наверное, удивившись, что тот вообще смог попасть с первого раза.

– Ну все, девочки, – сказал сержант Удостон, когда курсанты отстрелялись и построились. – Развлекуха на сегодня закончилась, ну, может быть, еще вечером постреляем... А теперь вам предстоят настоящие тренировки. Перед вами двухкилометровая дистанция. Вам нужно преодолеть ее, скажем, за двадцать минут. Полоса препятствий включает в себя... впрочем, вы это узнаете, когда будете преодолевать ее. И еще, – сержант сделал театральную паузу и громко объявил. – Пришедшие последними сегодня чистят сортир, – при этом Удостон криво улыбнулся Брюстеру со Стюартом. – А теперь вперед!

Казалось, у этой полосы препятствий не было ни конца, ни края. Крутые десятиметровые холмики сменяли друг друга на протяжении полукилометра, за ними пошли сети. Они значительно замедлили продвижение. Ноги соскальзывали с веревочных ячеек, создавая угрозу падения, но этому мешали руки, намертво вцепившиеся в пеньку.

Потом пошла колючая проволока. На спине трещала, но выдерживала крепкая ткань свинцовых накладок.

– Ниже! Еще ниже! – кричал на Брюстера сержант Удостон, сев перед ним на корточки. – Ниже держи свою задницу, иначе в реальном бою ее тебе отстреляют! Ты понял?!

– Так точно, сэр! – отвечал Макс, поправляя съезжавшую на лоб каску, и полз дальше, выставляя вперед автомат.

Впереди показалась веревочная переправа. Качаться, стоя, как клоун, высоко над землей, было очень неприятно. Но в отличие от клоунского представления здесь были еще две веревки, за которые можно было держаться. Кто-то уже упал, и жутко орущего солдата унесли санитары.

Это препятствие также было пройдено. Макс оттолкнулся со всей силы, держась за канат, потому как впереди было болото, и чем сильнее оттолкнешься, тем дальше пролетишь вперед. Брюстер плюхнулся плашмя, подняв тучу брызг и окатив своих товарищей зловонной волной, отчего они его тихо обматерили, не тратя, впрочем, на это много сил, впереди было еще достаточно много препятствий.

На последний холм Брюстер забирался на коленях. Сил у него не хватало даже на то, чтобы идти. Макс уже не помнил, сколько всего было препятствий. Он оглянулся, за ним точно так же полз Кастор Мешко, и (о, диво!) Стюарт за шиворот тащил Бертрольда, который каким-то чудом еще не потерял свой автомат.

Макс обнял свой «спрут», вместе с ним скатился вниз и таким образом пересек черту, знаменующую окончание всей дистанции. Скоро рядом с ним оказались остальные.

Другие члены четвертого взвода, пришедшие последними, смотрели на них чуть ли не с ненавистью. Ведь им предстояло чистить сортир, но сейчас Максу было все равно...

– Молодцы! – похвалил всех сержант. И легким взмахом руки показал капралу, что можно облить всех водой, устроив им легкий душ, частично смоющий липкую грязь. – Оpoz-

дали всего-то на каких-то десять минут. Можете отдохнуть, но с пользой для дела. А именно: чистите свое оружие. Далее у нас занятия по рукопашному бою.

Макс Брюстер не был уверен, что собрал свое оружие как надо, руки подрагивали, и он мог что-то пропустить, но сухой щелчок бойка оповестил его, что это не так. Все детали на своих местах, и лишних вроде тоже нет, да и откуда им взяться?

– Что ж, – произнес сидевший рядом Кастор набитым ртом. Он закусывал питательными плитками. – Те две недели действительно были курортом...

– Только не для меня, – обронил Бертрольд, рассовывая по карманам немногочисленные мелкие детали «спрута».

– Что, действительно, все так плохо? – спросил Макс, вяло пережевывая витаминный концентрат. Но еда как-то не шла.

– Да...

– Подъем! – перебил сержант Риверса. – Сегодня мы приступаем к изучению рукопашного боя под названием «система». В нем нет этой киношной показухи с эффектными ударами, потому как его разработал компьютер для быстрого и эффективного уничтожения противника любыми средствами и методами. Не пытайтесь заучить удары, в реальном бою не будет времени для того, чтобы их вспомнить. Вы должны их понять и действовать как автомат, все должно происходить на подсознательном уровне. Конечно, вы не овладеете этим искусством в совершенстве, но за оставшееся время вы научитесь, по крайней мере, эффективно обороняться... с летальным исходом для своего противника. Техника боя основана на механике тела, и даже довольно слабый, в физическом плане, боец может спокойно разделаться с громилой, конечно, в том случае, если тот не владеет этим же самым рукопашным боем. И хочу вас обрадовать, айманы пока не пользуются этой техникой, что и к лучшему. Итак, начинаем первое занятие. Рядовой Минк, прошу на татами.

Движения сержанта Удостона в отличие от Минка были мягкими и плавными. Он легко уходил от напористых ударов рядового, а потом сделал захват руки, повалил своего противника и произвел удушающий прием. Затем таким же образом он разделался с остальными солдатами четвертого взвода, вызывая к себе на ковер по одному, по два и, наконец, всех разом. Результат каждый раз был одним и тем же: все валялись на земле, не в силах встать.

Удостон и дальше валил своих соперников из других взводов, наглядно показывая, как нужно действовать. Его не могли победить солдаты, даже вооруженные палками и ножами. Всех он поражал своими приемами, которые рождались тут же, по ходу схватки.

– Вот так, салаги, учитеcь. Все идите на обед, а потом опять все сюда.

После обеда Удостон заставил всех копать персональное укрытие, проще говоря, окоп, в котором можно было бы укрыться и сделать огневую позицию. Как он сказал: «Для лучшей утрамбовки пици перед настоящими занятиями». Под занятиями он имел в виду дальнейшее избиение солдат. Особенно он усердствовал, как полагал Брюстер, с четвертым взводом.

Макс бездумно елозил щеткой по полу, еле стоя на ногах, как и его товарищи по несчастью, чистившие туалет. Его не волновала стоящая вонь, которая только усиливалась при соприкосновении воды с грязью. Даже стрельба из «спрута» не принесла никакого удовлетворения. К тому же он почти не попадал в цель. А гранаты из подствольника вообще угодили в основание соседней мишени, отчего та высоко подлетела в воздух.

– И что он прицепился к нам? – еле двигая щеткой, спросил Кастор, впрочем, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Это все из-за меня, – повинился Бертрольд. – Зря вы меня тогда подобрали...

– Подобрали тебя из корыстных побуждений, – прервал того Стюарт. – По службе, видите ли, мне подняться захотелось. Ладно, проехали.

И Стюарт ожесточенно стал натирать пол щеткой. Вообще-то туалет должны были убирать роботы-уборщики, но для стимуляции солдат к подвигам сержант-инструктор их отключил.

Макс, выбравшись из душа, повалился на свою койку без сил. Снова, как и в тот первый день в Форт-Слейве, он ощутил необычайную легкость, сняв эти тяжеленные накладки. Но, несмотря на кажущуюся невесомость, он не мог пошевелить даже пальцем.

23

Занятия продолжались своим чередом. Изю дня в день наращивался темп, хотя Брюстер считал, что это просто невозможно. Но как говорил сержант: «Нет ничего невозможного», и, как показывала практика, зачастую он был прав. Чистка туалета превратилась для него в своего рода традицию, от которой никуда не деться, хочешь ты того или нет.

Кроме всего прочего их обучали стрельбе из всех возможных видов оружия, хотя при этом отдавалось предпочтение штатному «спруту». В минновзрывном деле делался упор на разминирование, но чтобы знать, как разминировать, нужно было владеть техникой закладки. При этом сержант все время делал какие-то пометки в своем блокноте. Макс, как и все остальные, даже стрельнул два раза из танковой пушки, правда, мимо, но все же...

Дела продвигались и в рукопашном бое. До полного автоматизма действий, как у Удостона, было еще далеко, но прогресс был явно налицо, особенно в метании ножа.

Однажды сержант подвел их к стальной коробке двадцать на десять метров, в которой с трудом угадывался грузовой отсек десантного шаттла «Элепхант». Его борта были усеяны подозрительно круглыми дырками с оплавленными краями, которые могли появиться только по одной причине...

– Дерьмо, – выдохнул Кастор.

– Совершенно верно, солдат, причем полное, – подтвердил Удостон. – Это следы плазменной пушки ЛЭП. В этом транспорте погибло все подразделение, они не успели даже приземлиться для выгрузки. Но хочу вас обрадовать, вам такая участь не грозит. На новых транспортах установлена более совершенная броня. Правда, привел я вас сюда не для того, чтобы поугагать перед сном... мы будем тренироваться правильно выгружаться из транспорта. Занять места в трюме десантного корабля!

– Не хотелось бы мне попасть под обстрел этой ЛЭП, – пробурчал Кастор. – Даже с новой броней...

– Да уж, – согласился Макс. – В конце концов, они могут придумать еще что-нибудь, что будет пробивать и новейшую броню, как фольгу.

– Тут явно не обошлось без арабийцев, – добавил Стюарт, садясь на свое место.

Когда вся рота погрузилась, коробка с противным скрипом, плавно двинулась вверх по специальному рельсу, к которому она была подвешена. Сержант сел на небольшом возвышении у борта, там, где раньше была дверь, ведущая в пилотскую кабину, так, чтобы его было всем видно и стал декламировать:

– «Элепхант», тяжелый транспорт, предназначенный для перевозки до двух сотен солдат с полной амуницией или одного тяжелого танка типа «кондор», или двух бронетранспортеров, но используется он для десантирования только одной роты. Для выгрузки техники имеется широкий выход в корме, а солдаты могут выгружаться через четыре кормовых выхода, по два с каждого борта. Закрепить автоматы в пазы, они у вас по левую руку, вот так, – сержант Удостон показал, как именно надо крепить оружие, чтобы оно не вылетело.

Трюм обо что-то стукнулся и замер. Лебедочный привод прекратил свое жужжание.

– Итак, – продолжил Удостон. – На все – про все у вас есть пять секунд с момента открытия створов. За это время вы должны покинуть шаттл и рассредоточиться. Все ясно?

– Так точно, сэр! – хором ответила сотня глоток.

– Тогда поехали.

С этими словами сержант дернул рычажок, и трюм с жутким скрипом несмазанных колес стал набирать скорость, проваливаясь вниз. Ветер дул через отверстия в бортах, он достиг такой силы, что его шум стал забивать скрип колес. Грузовой отсек шаттла перешел в крат-

ковременный горизонтальный «полет» и с сильным ударом упал на землю. Одновременно с ударом открылись все выходы, в которые ломанулись успевшие отстегнуться солдаты.

Макс Брюстер ударился о крепежный захват, от неожиданности прикусил язык и почувствовал, как вся полость рта наполнилась кровью. Он испугался, что напрочь откусил его, но обошлось... только жуткая боль застилала глаза непроницаемой пеленой. Язык распух, заполнив всю полость рта.

– На выход! Не сидеть! – кричал сержант.

Макс встал со своего места и поплелся к ближайшему выходу, а потом просто вывалился из него. Ему на спину приземлился забытый им автомат, выброшенный Удостоном со словами:

– Дебильё, даже высадиться нормально не можете. Этот язык себе прищемил, еще трое себе шеи вывихнули... хорошо хоть не сломали. Повторим попытку, но чтобы на этот раз все было как надо.

Во второй раз действительно получилось гораздо лучше, если не считать некоторой сутолоки на выходе. Все старались действовать быстро и иногда мешали друг другу, что существенно сказывалось на времени выхода.

Так продолжалось раз за разом, в течение нескольких дней. Пока однажды сержант-инструктор наконец не сказал:

– Хорошо, вы вплотную приблизились к нормативу, но вам предстоит улучшить свое время еще на две секунды. Теперь мы переходим к другому тренажеру, а именно к «Раббиту». Перевозит с полсотни солдат. Тренироваться будем сразу на двух макетах. Первые два взвода с первым отделением третьего идут в первый макет с капралом Цымберцом, остальные со мной во второй.

И снова скрип колесиков, удар и выгрузка.

– Отлично, – похвалил сержант. – С этим вы справились, поэтому переходим к следующему занятию, а именно к выгрузке на бреющем полете.

По строю прошелестел тревожный шепот.

– Да-да, – продолжал Удостон, – вы не ослышались. Ведь может случиться так, что шаттл по каким-либо причинам не сможет приземлиться, или же вам дадут такое задание, в котором посадка будет изначально исключена как таковая. А теперь смотрите внимательно, как нужно прыгать, чтобы себе ничего не попортить.

Капрал встал на ступеньку, приложил к груди автомат, согнул ноги в коленях и прыгнул на землю. Приземлившись, он кувыркнулся через левое плечо, подогнув голову, встал и отряхнулся, как ни в чем не бывало.

– Вот так, – сказал сержант. – Вы должны сделать то же самое с той лишь разницей, что все это будет происходить в движении. А теперь на погрузку.

Для подобной высадки использовались два кормовых выхода. Но поскольку это было учебное занятие, то десантирование производилось через одни ворота, чтобы сержант мог контролировать все действия своих подчиненных.

Люк был уже открыт, «Раббит» двигался по желобу на высоте двух метров. Врывавшийся ветер обдувал лицо Брюстера, и он не мог поверить, что ему предстоит выпрыгнуть наружу на полном ходу.

– Пошли! – выкрикнул Удостон, когда движение немного замедлилось.

Вниз сиганул первый боец, за ним последовал еще один, страшно закричав в полете, следом полетели остальные, судорожно сжав свои автоматы. Макс закрыл глаза и таким образом продвигался вперед, смотреть дальше он не мог. Открыл их, когда наступила его очередь. Стюарт уже прыгнул, и теперь дело оставалось за малым – прыгнуть самому.

Внизу проносилась земля с редкими кустиками и островками пожухлой травки, да так быстро, что в глазах зарябило. «Я не могу», – подумал Брюстер. Сейчас ему особенно остро, гораздо сильнее, чем обычно, казалось, что прятаться в бесчисленных пещерах его родного

Альпамира, – не самая худшая идея. Пещеры были плохо изучены, и спрятаться там можно было без особых проблем, нужно было только немного подготовиться... Все эти мысли пронеслись в его голове за одну секунду, и о том, что он когда-то мечтал стать наемником, он уже не вспоминал.

– Я не могу, – уже вслух повторил Макс. – Это же самоубийство!

– Что значит, не могу! – взревел Удостон. – Пошел!

Но Брюстер только вцепился руками в края люка. Сержант, понимая, что время движения подходит к концу, болевым приемом разжал руки Макса и сильным пинком выбросил его наружу.

– Аа!!! – закричал Макс в полете.

Каким-то неосознанным движением он поймал автомат и согнул колени, в общем, сделал все то, что им показывал капрал. Приземление оказалось жестким, вместо кувырка через плечо он перелетел через собственную голову, а потом его еще протащило по твердому грунту. Когда Макс остановился, первым ощущением было, что он жив, и это его довольно сильно удивило. Затем пришла тупая боль в ребрах и острое жжение кистей рук и лица. К тому же сильно болел живот. «Наверное, почки себе отбил или еще чего...» – подумал он.

Как он узнал позже, кроме него со следами пинка на заднице оказались Кастор с Бертрольдом да еще несколько бойцов из других взводов. Самым удивительным оказалось то, что никто не сломал себе даже пальца, не говоря уже о шее.

– Ох, поскорее бы это все закончилось, – сказал Кастор, когда они всей ротой копали полноценный окоп, а не индивидуальные ячейки, как в самом начале.

– Полностью с тобой согласен, – кивнул головой Макс и ударом саперной лопатки прихлопнул свежий грунт на насыпном валу, в очередной раз пожалев о своем поспешном решении завербоваться на войну.

– Не желай многого, ибо желания имеют свойство сбываться, но не в самом благоприятном варианте...

Все посмотрели на Риверса, даже соседние солдаты из других взводов уставились на неудавшегося хакера. И все, не сговариваясь, отвернулись, решив про себя, что тот малость свихнулся. И действительно, Бертрольд работал как заводной, ничего вокруг не замечая.

24

Однажды, когда они копали очередной окоп, но уже с блиндажным укрытием, в небе показался шаттл. В этом не было бы ничего удивительного, если бы он не оказался представительского класса, на котором обычно летали военные чины не самого низкого звания.

Полет шаттлов не был делом необычным. Они привозили новобранцев и забирали уже готовых солдат из других секторов Форт-Слейва и с других баз на планете, которых здесь было предостаточно.

– Отчего-то у меня такое чувство, что это по нашу душу, – высказал свое мнение Кастор Мешко.

– С чего ты взял? – спросил Макс, но сердце ёкнуло, потому как он сам пришел к тому же заключению.

– Не знаю, – ответил Кастор. – Может быть, из-за того, что высшему чину здесь делать нечего, не тушканчиков же он сюда приехал пострелять. А прилететь он мог только по чрезвычайному случаю, чтобы на месте, без лишних проволочек, решить все вопросы.

– Ладно вам гадать, – вставил Стюарт. – Если нужно, нам все расскажут. А теперь давайте выкопаем этот чертов окоп, чтобы хотя бы сегодня нам не пришлось чистить этот долбаный сортир!

Чистить туалет им сегодня действительно не пришлось. Через час с небольшим после приземления шаттла пришел сержант-инструктор Удостон. Он построил всех на плацу и объявил:

– У меня для вас радостная весть, ваше обучение закончилось. Конечно, прошло всего два месяца из трех, но вы уже знаете и умеете делать все, что требуется от солдата, и это главное. А теперь из строя должны выйти те, кого я назову. – Сержант достал свой блокнот, в котором он делал заметки и стал зачитывать фамилии солдат. Когда все названные вышли, он пояснил: – Вы назначаетесь взводными капралами. Сержантов к вам приставят уже на месте. Пожалуй, это все, вы можете идти отдыхать. Вечером за вами придет транспорт, и вы отправитесь на постоянное место службы. Разойтись.

Эстевес тяжело вздохнул.

– Не расстраивайся, Стюарт, – попытался приободрить его Макс, похлопав рукой. – Будет и на нашей улице праздник.

Через несколько часов им выдали новую форму взамен износившейся и бронежилеты третьего уровня защиты, прикрывавшие руки до локтей и ноги до колен, с функцией хамелеона, одной из последних разработок. А тяжелые накладки забрали. Если в такой броне приложиться спиной к какой-нибудь поверхности с не слишком четким рельефом, как у коры дерева или скалы, то на груди проявлялось это же изображение.

Когда новое обмундирование было подогнано и опробовано, в небе, почти над самой головой, появились точки транспортных кораблей. Их было слишком много, они разделялись на группы и разлетались в разные концы планеты. В итоге, рядом с базой приземлилось пятнадцать «Элепхантов», при норме три-четыре корабля.

– Да, что-то они определенно задумали, – проворчал Кастор.

– Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, что они готовят какое-то контрнаступление, – высказал Брюстер свою точку зрения, вертевшуюся у него в голове уже несколько часов после того, как он вспомнил новости, передаваемые по радио в тот злополучный день.

– Пожрать бы, – протянул Кастор у стены и включил режим хамелеона. Мутновато-зеленая поверхность бронежилета посветлела, и вскоре появилось нечеткое изображение кирпичной кладки. – Прикольно, – уже в который раз восхитился Мешко технологией юан.

– Прикольно-то оно прикольно, а вот как это все будет действовать в реальных условиях, – проворчал Макс Брюстер. – И придется ли пользоваться, вот в чем вопрос?

– Ладно вам, пойдемте лучше, а то сержант зовет, – проворчал Стюарт.

Сержант-инструктор Удостон в последний раз построил личный состав, но уже за воротами базы. Перед пятнадцатью шаттлами построились три тысячи солдат, не все они прошли полный курс подготовки, но высшее командование это мало интересовало. Сержант и его начальство пытались отстоять своих подопечных, отмечая, что они не готовы и в серьезном бою в живых в лучшем случае останется только половина. Но это не возымело действия.

Сержант еще раз прошелся перед строем, как будто в последний раз проверяя, все ли он сделал правильно, всему ли научил. Но переигрывать было уже поздно, и он просто пожелал:

– Желаю удачи, парни. Начать погрузку.

Транспорты, под завязку загруженные солдатами, стартовали в небо и спустя десять минут оказались на орбите. Чуть позже к ним присоединились и другие корабли, забравшие новобранцев с других баз.

– Смотрите, смотрите, – прошептал Бертрольд, которому досталось место у иллюминатора. – Да тут полноценный флот.

Макс перегнулся через Пиннета и Мешко, чтобы тоже посмотреть на то, о чем говорил Риверс. Обзор был маленьким, но и этого хватило.

Зрелище действительно было впечатляющим. С два десятка малых линкоров и крейсеров широким кольцом опоясывали авианосцы и авианесущие корабли, а также средние десантные транспорты. К одному из таких транспортов и приближался «Элепхант», в котором сидел Макс в числе других двух сотен солдат.

Мимо пролетел уродец стометровой длины, весь утыканный антеннами разных форм и размеров.

– А это что за дикобраз? – удивился Брюстер.

– Так называемый корабль связи, – с ноткой грусти пояснил Бертрольд. – А на самом деле занимается электронной защитой группировки, ну и сам, разумеется, атакует корабли противника, выискивая брешь, и если найдет, то закачает туда столько вирусов, что потом легче будет новый построить, чем очистить его от всей этой электронной заразы.

– Так уж и построить? – не поверил Стюарт.

– Я в утрированном смысле сказал...

– Понятно.

Все «Элепханты» пришвартовались к своим кораблям, и вся группировка, не задерживаясь дольше положенного, двинулась к конечной цели.

25

Свет проникал через решетчатое, пуленепробиваемое и звуконепроницаемое окно, находившееся под сводчатым потолком. Светлое пятно лениво двигалось от одной стены к другой, изредка натываясь на различное медицинское оборудование и на стеллажи с хирургическими инструментами.

Здесь были приборы искусственной вентиляции легких, дефибриллятор, капельницы с жидкостью различного цвета и прочие приборы и инструменты, которые обычно присущи любой операционной хирургического отделения приличной больницы.

Но дело в том, что это была не больница. В помещении вообще не было даже намека на больницу, кроме инструментов да стерильности.

К стене на прочных цепях был подвешен человек, здесь он висел уже много месяцев и отлично понимал, что отсюда ему уже не выбраться. Он давно перестал молить о снисхождении своего мучителя, потому как тот был глух к его мольбам.

Пленник ожидал его появления с минуты на минуту, так как солнечный зайчик уже заскочил на тележку с инструментами, и как он уже давно определил, именно в это время приходил тот псих с садистскими наклонностями, что истязал его плоть вот уже третий месяц. Хотя узник не был уверен в точности подсчета прошедших дней, поскольку понимал, что после очередного визита Черного Хирурга – так он его назвал про себя – мог пробыть в бессознательном состоянии несколько дней, а то и недель.

Скрипнула дверь, и в ее проеме показался тот самый человек в белом халате и резиновых перчатках с цветочным орнаментом, что, по мнению пленника, выдавало в нем самого натурального шизика.

– Как поживает наш больной? – спросил вошедший. – Не хотите отвечать? Ну, это не беда, правда? – с этими словами Хирург включил монитор, на котором высветились показания жизнедеятельности организма, к которому он был подключен. – Что же вы, голубчик, нервничаете, вам вредно волноваться, может случиться сердечный приступ. Вы же знаете, что у вас слабое сердце.

– Да пошел ты... – слабо прошептал истязаемый беззубым ртом.

– Ну что же, больной пришел в себя, значит, можно продолжить лечение. Вот только что нам лечить? Пальцев у тебя нет ни на руках, ни на ногах. Ушей тоже нет, остается ампутация. Что бы вы пожелали себе ампутировать, любезнейший?

– Твое сердце, урод...

– Мы говорим не обо мне, – напомнил садист. – Молчишь, тогда бросим жребий. Вот монетка, выпадет орел,отрежем ногу, решка – руку, на ребро встанет – быть тебе девочкой. В воздухе зависнет, так и быть – сниму тебе голову.

Так и не дождавшись реакции от «больного», бросил монетку. Серебряный кружок с легким звоном упал на каменный пол и покатился. Прокатившись с полметра, монета застряла в стыковом пазе между камнями. Постояв на ребре, как бы решая на какой бок упасть, она, словно в нерешительности, повалилась на пол.

– Что ж, так распорядилась судьба, – явно разочарованно произнес Антонио Маччини. – Приступим...

Маччини ввел своей жертве местный наркоз с таким расчетом, чтобы тот не загнулся от болевого шока, но и не пропустил самого интересного. Потом взял скальпель и стал снимать кожу. Жуткий крик раздался в замкнутом пространстве, но хитроумные панели в стенах заглушили его.

– Это называется резать ремни, – пояснял свои действия Маччини, снимая с окровавленной ноги очередной лоскуток кожи. – А вообще-то в детстве я мечтал быть доктором, помогать

убогим и сирым. Лягушек препарировал. У меня даже награды есть за самое лучшее чучело, но, как видишь, даже очень богатые люди не могут позволить себе осуществить свои мечты. Я всего лишь управляю корпорацией, доставшейся мне от моих предков, а они были по-настоящему крутыми людьми...

Очередной крик заглушил исповедь Маччини. Жертва кричала не столько от боли, сколько от вида того, как от ее ноги отрезали очередную мышцу. Пленник не выдержал и провалился в беспамятство. Это заметил истязатель и тут же ввел адреналиновую смесь, вернувшую жертву в реальный мир.

– Голубчик, я вас никуда не отпускал. Ну, так вот, – продолжил Маччини как ни в чем не бывало. – Мечта осталась, и я в свободное время изучал медицинскую литературу.

Так за разговором, а точнее монологом, прерывавшимся криками, Антонио Маччини разделял ногу несчастного, и вскоре показалась кость. В этот момент у жертвы остановилось сердце, но и здесь Маччини оказался на высоте. Электрический разряд вновь заставил биться жизненно важный орган. Жертва с немим ужасом смотрела на белую кость, начинавшуюся ниже колена и заботливо обтертую Хирургом.

– Замечательная работа, – поздравил себя Антонио, – ни одной царапины. А теперь переходим к самой ампутации.

Маччини достал тонкую пилочку и стал ожесточенно перепиливать ногу выше сустава, прямо по мясу, вызвав тем самым еще один протяжный крик. После чего Антонио ввел своей жертве успокоительное и зашил место ампутации по всем правилам хирургической науки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.